

Международная Академия психологических наук

В.А.МАЗИЛОВ

АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

Ярославль 2002

Печатается по решению редакционно-издательского совета Международной
Академии психологических наук

ББК 88.

Рецензенты: заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор
В.В. Новиков;
доктор психологических наук, профессор **В.В. Козлов**;
кафедра психологии Костромского государственного университета им.
Н.А. Некрасова

Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной
психологии. Учебное пособие. Ярославль: МАПН, 2002. 68 с.

В учебном пособии дается характеристика актуальных проблем современной
психологической науки, раскрываются основные методологические проблемы
современной психологии. В качестве главной методологической проблемы выделяется
разработка коммуникативной методологии психологической науки, дается
характеристика основных положений коммуникативной методологии.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с государственным
образовательным стандартом. Учебное пособие предназначено студентам
университетов, обучающимся по специальности «психология». Может быть
использовано студентами и аспирантами, изучающими общую психологию в
педагогическом университете.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
грант 01-06-00049

© В.А. Мазилев, 2002

Введение

Учебное пособие посвящено методологическим вопросам психологии (учебное пособие по курсу «Методологические основы психологии» в соответствии с учебным планом подготовки специалиста 020400 «Психология»). Таким образом пособие предназначено будущим профессиональным психологам, оно также может быть использовано студентами и аспирантами, изучающими курс общей психологии в рамках подготовки по непсихологическим специальностям в педагогическом университете).

Данное учебное пособие не содержит систематического изложения курса, а посвящено рассмотрению лишь наиболее актуальных методологических проблем психологии, выдвинутых на повестку дня в самое последнее время и в силу этой причины не получивших еще отражения в учебной литературе по психологии. Это обстоятельство побудило автора ограничиться в настоящем учебном пособии рассмотрением вопросов, связанных в первую очередь с характеристикой *коммуникативной методологии* как наиболее важного и перспективного раздела методологии современной психологической науки. Другое ограничение связано с тем, что в пособии рассматриваются методологические вопросы, характерные для сегодняшней *психологической науки*: анализ методологических вопросов *психологической практики* (не менее важных и, конечно, не менее интересных) остался за пределами настоящего учебного пособия.

Автор.

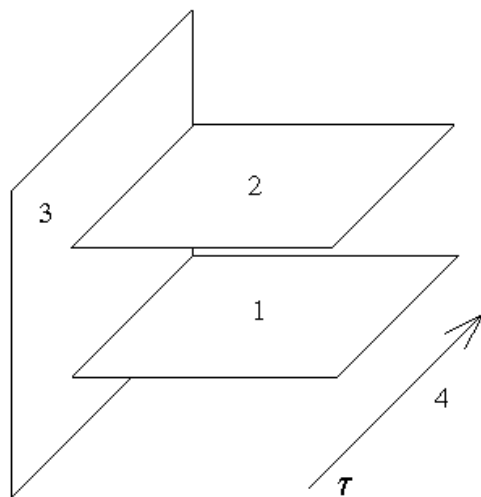
1. Виды проблем в психологии

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология - одна из самых "проблемных" наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б.Ф.Ломов в книге "Методологические и теоретические проблемы психологии" отмечал: "Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ" (Ломов, 1984, с.3).

Для начала выясним, что такое собственно проблема. По мнению составителей "Словаря иностранных слов", проблема - это теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования. "Словарь русского языка" С.И.Ожегова подчеркивает, что проблема это трудный вопрос, требующий разрешения. Наконец, в "Философском энциклопедическом словаре" отмечается: "Проблема - объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес". Для психологических проблем как раз и характерны названные моменты: 1) трудность вопросов, 2) необходимость осуществления специального исследования для получения ответа, 3) практическая и (или) теоретическая значимость вопроса.

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М.С.Роговин и Г.В.Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид - знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть "предметное знание". Второй вид - знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике - "знание методологическое". Третий вид знания - "знание историческое", в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени,

при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988, с.8). Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические. На *рис.1* дано схематическое изображение указанных классов проблем.

Рис. 1. Виды психологических проблем: 1. феноменологические, 2. теоретические, 3. методологические, 4. историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т.д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется исходя из теории, в действительности же это серьезная

методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи - авторы "революционных" концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение это не внимание, а особенности восприятия (Э.Рубин), создание новых образов - функция не воображения, а мышления (А.В.Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны. Другим, не менее убедительным, является следующий, приводимый создателем феноменологии Э.Гуссерлем.

"Гуссерль приводит известный пример со шкатулкой, которую я рассматриваю, вращая. Здесь в каждый момент я получаю различные ощущения, "переживаемое содержание" моего сознания каждую минуту меняется, но тем не менее я "вижу" одну и ту же шкатулку, имею один и тот же "предмет". Мы видим с несомненностью, что сами ощущения отделяются здесь от того, что ощущается. Зрительные ощущения и "видимый" через них предмет - две вещи разные" (Кравков, 1922, с.27-28).

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и

теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные *пространства психической реальности*. Поясним это. В экспериментах С.Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, трансперсональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т.п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т.д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т.п. Не станем здесь на этом останавливаться, т.к. многообразие психологических теорий хорошо известно (причем не понаслышке) каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим - методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а, следовательно, *реально* определяет диапазон пространств психической реальности), методология определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследоваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы - это наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем - проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М.С.Роговин и Г.В.Залевский отмечали, что в "знании историческом проявляется куда более

широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания..." (Роговин, Залевский, 1988, с.10). Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является "сердцевиной" психологического знания вообще, поскольку, в конечном счете, именно она определяет существенные характеристики "предметного" знания (и феноменологию, и теорию) и "истории" (как она будет интерпретироваться).

Поскольку мы говорим о психологии в целом (а научная психология, ориентированная на исследование психической реальности, только часть психологического знания: ведь существует еще психологическая практика), отметим, что кроме названных имеются, конечно, и другие проблемы. Это, во-первых, прикладные проблемы, связанные с использованием психологических знаний в практике, в конкретных видах деятельности (в педагогике, в медицине, в производстве и т.д.). Во-вторых, необходимо упомянуть психотехнические и психотехнологические проблемы (в широком смысле этого слова), связанные с модификацией, с направленным изменением психики человека (различные виды психотерапии, психокоррекции и т.д.). Напомним слова Л.С.Выготского: "...психотехника - в одном слове, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением" (Выготский, 1982, с.389). В данном пособии речь будет идти о проблемах научной психологии, связанной с исследованием психики. Это, разумеется, не означает недооценки роли практической психологии - у этой работы свои задачи.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что выделение видов психологического знания и связанных с этим видов психологических проблем весьма условно. Действительно, легко увидеть, что грани между этими видами часто размыты и неопределенны. Но бывают случаи, когда разграничения подобного рода просто необходимы. Разделение необходимо в дидактических, методических целях. Другая причина, которая заставляет использовать такого рода разграничения, несмотря на всю их условность, - когда необходимо сконцентрировать внимание на каком-то виде проблем. Так, в нашей работе мы сосредоточимся на некоторых (наиболее важных сегодня) *методологических* проблемах.

2. Методологические проблемы в психологии

Итак, мы установили, что методологическое знание занимает особое место в структуре психологического знания. Поскольку методологические проблемы "завязаны" на центральный для научной психологии вопрос - определение предмета психологии - вопрос, как об этом убедительно свидетельствует история психологической науки, весьма сложный, таящий в себе большие трудности, естественно было бы ожидать появления способов, "снимающих" этот вопрос. Как хорошо известно, лучший способ избежать "содержательных" трудностей - создать "формальную" модель. Наиболее

распространенный ход заключается в том, что методология психологии объявляется чисто технической дисциплиной, призванной заниматься планированием экспериментов и квазиэкспериментов, вопросами статистической обработки результатов и т.д. В предыдущем разделе мы констатировали, что методологическим вопросам принадлежит ключевая роль в построении всего здания психологической науки, методология играет, в сущности, конституирующую роль. И отказ от обсуждения содержательно-методологических вопросов приводит к тому, что в психологии начинают доминировать тенденции дезинтеграции. На заре научной психологии в 1896 году Дж. Стаут писал, что "скоро наступит время, когда никому не придет в голову писать книгу по психологии вообще, как не приходит в голову писать по математике вообще. К нашему предмету можно подойти с точки зрения физиологии, душевной патологии, этнологии и психофизического эксперимента. Каждый из этих методов имеет свои данные и свои особые независимые способы собирать и оценивать доказательства" (Стаут, 1920, с.3). Однако достаточно скоро оценка меняется: "расхождение" (дезинтеграция) перестает восприниматься как позитивная неизбежность и в 1932 году на X Международном конгрессе в Копенгагене Вольфганг Келер, один из выдающихся психологов XX века, предостерегал, что "если мы в ближайшее время не найдем связующие нити психологии, мы окончательно атомизируемся". Такая тенденция существует и у нас, в российской психологии. С одной стороны, есть немало сторонников того, что методология должна стать формальной технической дисциплиной, набором указаний, регламентирующих технику исследования. С другой стороны, "общепсихологические" проблемы растворяются "в конкретике" и как бы "снимаются" вообще. Чтобы упрек не показался надуманным, приведем конкретный пример.

В июне 1997 года Российское психологическое общество проводило в Ростове-на-Дону Всероссийскую конференцию "Методы психологии". Предметом рассмотрения, таким образом, должна была стать "методология психологического познания, методы теоретической, прикладной и практической психологии". Ниже приводится перечень секций, заявленных для включения в симпозиумы:

Методы психологического развития. Методы развивающего образования. Методы исследования личности. Методы диагностики и коррекции личности. Диагностика стилевых особенностей личности. Теоретико-методические проблемы изучения невербального поведения личности. Методы когнитивной психологии. Методы пато- и нейропсихологии. Методы клинической психологии. Психодиагностика и дифференциальная психология: теория и практика. Методы психофизиологии. Методы медико-психологической экспертизы. Методология и методы психотерапии: от дифференциации к интеграции. Двигательно-танцевально-экспрессивная психотерапия: теоретические подходы и методические решения. Методология и методика социально-психологического исследования. Методы измерения, формирования и развития в социальной психологии. Психологические методы в конфликтологии. Методические проблемы оргконсультирования и управления. Методы диагностики, консультирования и коррекции семьи. Методы оценки профессионального развития. Методы исследования творчества и

идентификации одаренности. Методы исторической психологии. Невербальные и проективные методы в психологии. Нетрадиционные методы в психологии.

Перечень вызывает двойственные чувства. С одной стороны, законную гордость за науку, которая освоила столь различные области, столь разветвленна и дифференцирована, с другой - разочарование тем, что вопросы о соотношении, скажем, теории и эксперимента в психологии, или о теоретических методах в психологии (есть ли такие?) либо надуманы, либо совсем неактуальны (про специфику познания психического я уж и не вспоминаю). Между тем такая методологическая беспечность (не стоит называть ее "методологической передышкой"!) профессионального сообщества не остается безнаказанной: широкое наступление ненаучной и вненаучной "психологии" вызвано слабостью - в первую очередь методологической - научной психологии. Если мы и далее будем столь беспечны к методологии научной психологии, нашествие колдунов и шаманов, дипломированных специалистов по черной и белой магии, народных целителей разного профиля может окончиться весьма и весьма печально... Научная психология пытается "отгородиться" от наиболее сложных проблем человеческого бытия, а психотерапия (см. вышеприведенный перечень) решает свои уже методологические, причем содержательно-методологические проблемы, да к тому же, находясь в пути "от дифференциации к интеграции"). Здесь есть "о чем задуматься".

Другим, правда, более "мягким" вариантом снятия проблемы содержательной методологии является тот, который более характерен для западноевропейской психологической науки. Методология при этом понимается достаточно узко: специфика научного познания в области психологической науки сводится к "проблеме объяснения". В последние годы этой проблеме посвящено немало работ. После классического исследования Ж.Пиаже (1963) эта проблема постоянно находится в поле внимания исследователей. Отметим, что (при несомненной важности данной проблемы) свести всю специфику психологического познания лишь к вопросу об объяснении не представляется возможным. Все дело в том, что при таком подходе исследовательская ситуация представляется так, будто реальное исследование начинается с проведения эмпирического изучения, позволяющего "обнаружить законы". Задача научного психолога сводится к тому, чтобы дать объяснение этим законам. Стоит обратить внимание на то, что при подобном подходе вопрос о специфике методов и их обусловленности "выносятся за скобки": его как бы не существует.

Заканчивая обсуждение проблемы объяснения, обратим внимание на следующий момент. Уже упоминавшаяся классическая глава об объяснении в психологии, написанная Ж.Пиаже, соседствует в популярном руководстве с другой, в которой П.Фресс проникательно замечает, что "научная деятельность - это в такой же степени дело мышления, и, как показал Клод Бернар, нужно говорить не столько о методе, сколько об экспериментальном рассуждении. На факт ссылаются или вызывают его в целях проверки гипотезы, сформулированной экспериментатором" (Фресс, 1966, с.100). Нельзя не согласиться с приведенным выше высказыванием. Отсюда следует, что, по-видимому, центральным вопросом методологии психологической науки должен

быть вопрос о соотношении теории и метода - если мы, конечно, хотим понять смысл и логику экспериментального рассуждения.

Существуют и другие варианты «снятия» методологических проблем. Например, методология отождествляется с ее философским уровнем, а философский уровень – с философией диалектического материализма. В результате такой подмены утверждается, что методологии психологической быть не должно, поскольку диалектический материализм «отменен»: если методология и должна быть, то призвана решать чисто технические вопросы организации психологического исследования.

Сегодня наша российская, постсоветская психология переживает трудные времена. Прежде всего они трудные в самом главном – в методологии. В методологии в том старом смысле, в каком это слово использовалось во времена Л.С.Выготского - его знаменитое сочинение "Исторический смысл психологического кризиса" было именно *методологическим исследованием* - авторское жанровое определение было очень точным. Действительно, старой методологии, которая неразрывно была связана с марксизмом-ленинизмом, больше нет. Есть желающие вместе с "идеологемами" отбросить и достижения, связанные с исследованиями, например, в русле деятельностного подхода.

Какая же должна быть эта новая методология? Старой методологии уже нет, новая еще не появилась. Сегодня нужна другая методология, выходящая за пределы трактовки психического как отражения, учитывающая достижения мировой психологической мысли... Какая будет эта методология? Что она собой будет представлять? Проще всего в качестве ответа процитировать слова признанного классика Л.С.Выготского: "Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно" (*Выготский*, 1982, с.422-423).

Прежде всего определим, какой она, по всей вероятности, не будет. Вряд ли это будет супертеория, "высшая психология". Как справедливо отмечает В.П.Зинченко, представление о "финальности" методологии психологии не может быть принято. "Наука подобна произведению искусства, в ней всегда есть недосказанность, есть не только знание, но и незнание, которое Н.Кузанский называл ученым незнанием" (*Зинченко*, 1997, с.129). Всего скорее, это должна быть "общая психология", по Выготскому, совокупность принципов и "опосредующих теорий", "критики" психологии: "Нужна методология, т.е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий" (*Выготский*, 1982, с. 419).

Стоит заметить, что такая позиция имеет немало противников: необходимость собственной психологической методологии в смысле Выготского признается далеко не всеми. Обратимся к материалам круглого стола "Психология и новые идеалы научности".

Н.И.Кузнецова: "Здесь высказывалось мнение, что выход психологии из кризиса связан с переходом к парадигме гуманитарного мышления. XX в. убедительно показал, что никакой принципиальной разницы в стиле мышления - будь то теоретическая физика, теоретическая лингвистика или антропология не было и нет. Существуют методологические особенности различных научных дисциплин, но это тривиально. Эти особенности не нарушают общих критериев

научного познания, общего логического хода развития науки, хотя и должны рефлексироваться. Единство естественных и гуманитарных наук - это стратегическая линия, а обособление гуманитарных наук от естественных, их искусственная изоляция ведет только к провинциализму" (*Психология...*, 1993, с.26). Во многом аналогично рассуждает М.А.Розов: "Я глубоко убежден, что мы мыслим в гуманитарных и естественных науках примерно одинаково. Мышление, если оно правильное, одинаково и в одних науках, и в других. Надо просто правильно мыслить" (*Психология...*, 1993, с.37).

В.Н.Дружинин также подчеркивает "общенаучный характер" критериев научности: "Отечественная психология должна была самостоятельно выработать критерии научности, и такие попытки делались. Отчасти этим объясняется стремление некоторых видных ученых-психологов заняться методологическими проблемами психологии, что и породило массу методологических и околometодологических трудов. Однако критерии достоверности научного знания являются общенаучным достоянием. Беда общественных наук в том, что на роль единственной методологии претендовало официально одобренное направление, представленное в учебниках диамата и истмата. Если точные и естественные науки могли работать, опираясь на общенаучные критерии достоверности, то ведомственная принадлежность психологии препятствовала этому" (*Дружинин*, 1989, с.4).

Итак, с точки зрения сторонников этой позиции специальная методология (т.е. методология *с элементами гносеологии*, методология в смысле Выготского) современной психологии не нужна. Что же касается методологии психологии, то она может заниматься чисто техническими вопросами: планированием эксперимента, статистической обработкой и т.д.

Все же психология уже подошла к тому рубежу, когда требуется ясное осознание того, что в науке происходит, каковы основные тенденции развития, каковы взаимоотношения основных реализуемых подходов и т.д. Необходима специальная методология психологии, своего рода *философия психологии*. Возможно, следует говорить об общей методологии наук, изучающих психику, как это предлагали М.С.Роговин и Г.В.Залевский (1988). По нашему мнению, должна существовать специальная методология психологии, *содержательная методология психологии*, исходящая из специфики предмета психологической науки. Можно назвать несколько характеристик этой методологии.

Наверное, это должна быть *научная* методология. Психология не должна утратить статус науки. Как бы то ни было, психология несомненно является наукой. Ее нельзя "безнаказанно" свести к естественнонаучной, либо гуманистической парадигме. В качестве неизбежного наказания, как уже упоминалось, следуют "неоправданные ограничения", неадекватность которых очевидна, а цена не просто высока, но чрезмерна.

Наверное, это должна быть методология *на исторической основе*. Этот тезис в свое время формулировался Л.С.Выготским, С.Л.Рубинштейном, М.Г.Ярошевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии*. В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более

адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*.

И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология. Не пытающаяся свести "многомерное" человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное. Следовательно, психология должна стать на путь собственного развития: естественные и гуманитарные науки не могут быть образцом для построения психологии. На заре своего самостоятельного существования научная психология последовательно попыталась реализовать обе "линии". Ни "чистые линии", ни многочисленные попытки их соединения существенного успеха не принесли. Может быть, дело в том, что "наиболее возвышенное и совершенное" (Аристотель) нуждается в особом исследовательском подходе, специальной содержательной методологии?

В методологии должны быть представлены три составляющие, соответствующие трем группам задач, стоящих перед этой областью знания: познавательная, коммуникативная, практическая.

"*Познавательная*" составляющая - традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово - проблема. Обозначим для примера лишь некоторые. Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный (см. об этом подробнее в следующей главе). Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой "проблему". Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации, то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии. В "познавательной" составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода метаметодология. Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотнесение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

"*Практическая*" составляющая - область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по

задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология - важный блок "практической" составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий - не менее актуальный "модуль", не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркну - именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет "объектную", а не "предметную" ориентацию, она более "антропологична", если воспользоваться терминологией П.Фресса.

"Коммуникативная" составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как "внутри" научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии - в соотнесении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотнесения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

В перспективе возможно выделение "*психотерапевтической*" составляющей методологии. Ее функция, как ясно из названия, в осуществлении мониторинга проводимых исследований, диагностика трудностей, как исследовательских, так и коммуникативных, оказание помощи.

Из всех названных методологических проблем, бесспорно, самая сложная и насущная для современной психологии - проблема *предмета психологии*. Причем речь идет именно о теоретическом исследовании по предмету психологии. Итак, необходимы *теоретические* исследования по предмету психологии. Без этого, как мы увидим, невозможна разработка коммуникативной методологии, позволяющей реально соотносить различные психологические концепции. А без коммуникативной методологии и технологии невозможно подойти к самой важной проблеме психологической науки – *интеграции психологического знания*. Как было показано в наших исследованиях, интеграция знания возможна только тогда, когда для этого создана соответствующая основа, представляющая собой своего рода структурный инвариант. В качестве такового было предложено соотношение теории и метода (Мазилев, 1998). Поэтому особую важность приобретает исследование вопросов, связанных с теорией и методом в психологии, с их соотношением. Таким образом, среди методологических вопросов психологии в качестве важнейшей проблемы для нашего рассмотрения мы фиксируем *проблему соотношения теории и метода в психологии* (этому вопросу будет посвящен четвертый раздел учебного пособия). Сейчас обратимся к проблеме предмета психологии.

3. О предмете психологии

Как известно, до середины прошлого века психология развивалась в недрах философии. Предметом психологии (точнее, философской психологии) была душа. Основными методами исследования (подчеркнем, что речь не идет ни об опытно, ни о научном исследовании) были философское рассуждение и интерпретация. Поэтому программы построения психологии как самостоятельной науки предполагали в первую очередь конструирование нового предмета (непосредственный опыт, акты сознания и т.д.). Влияние позитивизма проявилось в том, что психология попыталась стать эмпирической наукой. Чтобы избавиться от наследия “метафизики”, психология отказалась от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он “раскроется” в процессе эмпирического исследования. Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией. В течение многих лет предпринимались попытки построения психологии “без всякой метафизики”, “как строгой науки” и т.д. И всякий раз оказывалось, что исходные (пусть имплицитные) представления о «*психэ*» неистребимы...

Важно констатировать, что в сознании исследователей самых разных направлений и ориентаций закрепилось представление, что предмет простой. То есть психика это нечто *изначально простое* (в том смысле, что дальнейшие расчленения будут осуществляться при эмпирическом исследовании предмета). Иными словами предмет психологии – психэ – подвергся обработке “бритвой Оккама”. “*Frustra fit plura, quod fieri potest pauciora*” – “Бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего”. Процитированный “принцип бережливости” Уильяма Оккама помимо “значительной прогрессивной роли” в борьбе с “субстанциональными формами”, “скрытыми качествами” и т.д. сыграл злую шутку с психологией, поскольку послужил основанием для различных вариантов редукционизма. Повторим, редукционизм возможен тогда, когда подвергаемое редукции *простое по своей природе* (если оно не таково, существуют перспективы объяснения за счет «внутрипредметных» резервов). Простота, в свою очередь, достигается (в случае научной психологии) за счет отказа от теоретического анализа предмета. Структура и функция предмета должны обнаруживаться, выявляться, исследоваться чисто эмпирически (например, интроспективно). Желание избежать обвинений в метафизике, стремление превратить психологию в опытную науку (желательно по образцу естественных наук), сделали психологию редукционистской наукой. Не желающие мириться с принципиальным “сведением” психэ были объявлены раскалывающими психологию на две (В. Вундт, В. Дильтей и др.).

Не имея здесь возможности совершить историко-философский экскурс, констатируем, что в психологии сложилось представление о том, что психическое по своей природе простое. Конечно, есть различие между философским положением, что душа “есть простая субстанция” (в истории философии могут найтись и объяснения, и оправдания такому положению вещей), и утверждением, имеющим отношение к эмпирическому исследованию

психической жизни. Для нас это сейчас не важно. Принципиально важно, что отказ от теоретического исследования предмета привел к тому, что теории, которые возникали в психологии, уже не имели *психологической специфики*. Этот момент требует специального пояснения. Прекрасная работа Жана Пиаже (1966) убедительно продемонстрировала, что объяснение в психологии в конечном счете приводит либо к биологии, либо к социологии, либо к математике (логике). В результате оказывается, что психологическая теория есть не что иное как *проекция* на простой предмет психологии расчленений, выработанных в других предметах (в физиологии, в биологии, в лингвистике, в кибернетике и т.д. и т.п. – как хорошо известно, в психологии существует значительное количество вариантов - напомним, Л.С.Выготский сказал когда-то удивительно точно: *все слова психологии – суть метафоры, взятые из пространств мира*). При этом создается иллюзия, что разрабатывается собственно психология. Но это всего лишь иллюзия. В рамках биологически ориентированного подхода мы можем получить иллюзию того, что психика есть средство адаптации. В рамках другого - предположить, что психика конституируется социальными отношениями. Можно даже считать, что она есть ориентировка в окружающей среде. Но при этом совершенно ясно, что *вся психика* никак не может быть сведена к этим частным проявлениям. Мы думаем, что это было ясно и самим создателям таких “одномерных”, частичных концепций. Весь трагизм ситуации состоит в том, что “склейка” одномерных подходов ни к чему позитивному привести не может: предметы оказываются несовместимыми. В том, что это не преувеличение, убедиться легко – еще В. Дильтей в 1894 году прекрасно это продемонстрировал. Г. Мюнстерберг в “Основах психотехники” (1914) убедительно показал, что эти подходы не совмещаются: “Внутренний мир, поскольку он мыслится направленным к известным целям, есть мир личной воли, личного чувства, личной интенции в форме их субъективного бытия. Внутренний мир, мыслимый под формой причинности, есть мир находимых в сознании содержаний. Мы видели, что эти два понимания ведут к двум различным психологиям – причинно мыслящей психологии содержания сознания, в которой имеет место лишь описание и объяснение, и психология духа, в которой нет вообще никакого объяснения, и в которой описание может быть только разложением, но собственной задачей которой является понимание актов личности и прослеживание их в их отношениях. Между этими двумя психологиями душевная жизнь не делится – в роде того, что, например, каузальная психология имеет дело с представлениями, а телеологическая – с волевыми явлениями, но всякая фаза и всякое движение душевной жизни должны принципиально быть доступны обоим способам рассмотрения. В повседневной жизни они переплетаются между собой и лишь в науке могут быть четко разграничены. А это разграничение служит важным практическим задачам культуры в обоих направлениях, так как лишь последовательная каузальная психология может подготовить действительно научную психотехнику, и лишь последовательная психология духа может обеспечить действительно устойчивое жизнепонимание и мирозерцание” (Мюнстерберг, 1925, с.148).

Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редуccionистское сведение

психэ к ее конкретному проявлению. Действительно, психэ может проявиться и в самосознании, и в поведении. Ликов у психэ много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность? Вопросы, разумеется, риторические.

Сошлемся на исследования Карла Густава Юнга, обосновавшие трансперсональность психического. Русская православная философия, обсуждая природу сознания, также приходила к аналогичным выводам. В трудах В.С. Соловьева, А.Ф. Лосева можно найти указания на недопустимость сведения психического: “отсюда начинаются бесконечные по числу и дурацкие по смыслу учения: мысль есть порождение мозга, душа есть функция нервной системы, сознание есть результат физико-химических процессов в организме” (Лосев, 1993, с. 853). Можно добавить, что в рамках *научного* подхода В.И. Вернадский обосновал возможность рассмотрения жизни и психики как космо-планетарного феномена. Безусловно, об ограниченности трактовки предмета современной академической психологической наукой свидетельствуют результаты, полученные сторонниками трансперсональной психологии. Мы не думаем, что сейчас стоит говорить о возникновении новой научной парадигмы, для этого еще нет соответствующих условий. Но психологам стоит задуматься и еще раз вернуться к анализу предмета собственной науки.

Итак, необходимы исследования природы психики. “Необходимость возрождения исследований природы психики – это перманентная потребность психологической науки, переживающей тупики и спады своего развития вместе с обществом, в котором психологи живут и работают также как и представители других гуманитарных профессий. Однако, сейчас у нас ситуация явно кризисная – огромное количество новых эмпирических фактов и научных свидетельств о невещественной биополевой природе психики, сдвигают внимание ученых к пониманию ее как высокоорганизованной энергии и информации, отнюдь не отрицая при этом традиционный постулат психологии – сознание есть форма высокоорганизованного вещества мозга” (Волков, 1996, с. 11). Причем необходимы в первую очередь теоретические исследования предмета. Не стоит забывать, что психика в некотором отношении напоминает зеркало (каждый видит в нем свое отражение). В психологии так просто получить подтверждение желаемого. Действительно, организовав эмпирическое исследование определенным образом, мы гарантированно получаем соответствующее описание. Удивительно, что искушение придать ему “онтологический” характер часто оказывается непреодолимым. Л.С. Выготский в своем “Историческом смысле” очень мудро заметил, что “все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира” (Выготский, 1982, с.369). Настала пора интуитивные соображения заменить продуктами теоретического анализа. Поэтому можно только приветствовать возобновление научных исследований по предмету психологии (Волков, 1996). Хотелось бы только подчеркнуть, что это – единственный путь, позволяющий отстоять единство психологии, позволяющий в какой-то степени приблизиться к Великой тайне человеческой Души. Пока же “основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи

между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания” (*Выготский*). “Строить мост в психологию XXI века означает вновь определить, что мы понимаем под “психической реальностью” и какова природа психики? Это принципиально важно, ибо современная психологическая наука зашла в теоретический тупик, и психологи разных школ и направлений плохо понимают друг друга” (*Волков*, 1996, с. 7).

В ответе на эти вопросы и состоит главная задача методологии психологии – “общей психологии”, как ее называл Л.С. Выготский. Без нее, похоже, не обойтись: “Кто пытается перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него” (*Выготский*, 1982, с. 418).

Представляется, что проблема предмета сейчас центральная для психологии. В течение многих лет наша психология пребывала в состоянии раздвоенности. Поясним это. Официальным предметом психологии была *психика (психэ)*. Назовем это *декларируемым* предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание “психэ”. Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная “рационализация”. Таким образом, происходит разделение предмета на *декларируемый* (“психэ”), *рационализированный* и *реальный*. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и “совершенно невозможное явление” для естественнонаучноориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно “свойством мозга”. Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он (“рационализированный”) “оформляет”, фиксирует ту или иную трактовку “психэ”. Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе “сознание/бессознательное – деятельность/поведение”).

В результате беспристрастный анализ может выявить фантастическую картину. К примеру, исследователь-психолог считает, что занят изучением психики (декларируемый предмет). Рационализированным предметом может быть отражение (наш исследователь изучает, к примеру, восприятие – “целостное *отражение* предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности...” (*Психология...*, 1990, с. 66)). Отметим, что на уровне рационализированного предмета вся многомерность психики (и духовное, и душевное) оказывается редуцированной до отражения. Но самое интересное впереди. Ведь изучается-то на самом деле *реальный* предмет. А в качестве реального предмета выступают либо феномены самосознания в той или иной

форме, либо, вообще, поведенческие (в широком смысле) феномены. Но это только *предмет науки*. В исследовании психолог, как известно, имеет дело с *предметом исследования*. Предмет исследования должен соответствовать предмету науки... Можно сказать, что он конструируется предметом науки. Напомним про “опосредованный характер” психологических методов. Впрочем, о методах разговор должен быть особый. В свете вышеизложенного представляется актуальным и чрезвычайно увлекательным обсуждение вопроса об единицах психического. Правда, это тоже отдельная тема.

В настоящее время совершенно очевидно, что трактовка психического как *только отражения* не соответствует современному уровню психологических знаний, создает непреодолимые трудности в развитии психологии. Необходимо новое *широкое понимание предмета*, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях.

Карл Юнг, один из выдающихся психологов XX столетия, утверждал, что “психэ” столь сложна и многообразна, что невозможно приблизиться к ее постижению с позиции психологии инстинкта. В другом месте он писал о тайне человеческой души. Действительно, природа психического, может быть, величайшая тайна из всех, с которыми приходилось иметь дело человечеству. “Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности” (Юнг, 1994, с. 351). Вероятно, психологам нужно благодарить судьбу за причастность к тайне.

Каково же должно быть понимание предмета психологической науки, которое способствовало бы решению стоящих перед психологией задач?

Предмет психологии, помимо главной функции – *конституирования* соответствующей *научной области* — должен выполнять другие важные функции и иметь определенные характеристики.

Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и научных школах.

Во-вторых, он все же должен не быть «искусственно» сконструированным, а существовать реально, для того, чтобы быть *предметом* науки в подлинном смысле слова. Иными словами, предмет науки должен иметь онтологический статус: это должна быть собственно *психическая реальность*, а не свойства какого-то объекта (например, какой-либо материальной системы). Наука о свойствах становится подозрительно похожей на науку о призраках (Л.С.Выготский).

В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне «простое» психическое к чему-то внешнеположному, делая абсолютно неизбежной редукцию психического. Отсюда следует, что необходимы теоретические исследования по проблеме предмета (таким образом, речь идет о содержательной методологии психологической науки). Заметим, что в отечественной психологии издавна существовала традиция именно содержательной методологии на исторической

основе (Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.). В более поздний период эти проблемы интенсивно разрабатывались К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинским, Б.Ф. Ломовым и др.

В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой для психологии логике естественного или герменевтического знания.

Итак, можно констатировать, что трактовка и понимание предмета психологической науки в настоящее время нуждаются в пересмотре, т.к. не выполняют необходимых функций и не позволяют психологии стать фундаментальной научной дисциплиной, которой она должна стать в соответствии со своим местом в структуре научного знания.

Кстати сказать, отсюда следует еще один вывод, принципиально важный для коммуникативной методологии. В психологии (в отличие от других научных дисциплин) недостаточно разработать формальную структуру научной теории. Хорошо известно, что в более развитых науках (как, например, в физике) нет таких дискуссий о предмете, как в психологии. Вывод, существенный для нашей темы, состоит в том, что, пытаясь разрабатывать, скажем, проблему соотношения теории и метода в психологии, следует помнить о необходимости включения в модель теории в том или ином виде трактовки предмета психологии, т.к. она имеет важное значение для понимания самой теории. Невыполнение этого условия фактически закрывает дорогу возможности соотнести данную теорию с какой-либо другой и, таким образом, препятствует достижению взаимопонимания.

4. Соотношение теории и метода как центральная методологическая проблема современной психологии

Современная российская психология, как хорошо известно, находится в состоянии методологического кризиса. Остро необходима разработка методологии научной психологии, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Как представляется, методология психологической науки должна выполнять и *коммуникативную* функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Иными словами, современной психологии остро требуется *коммуникативная методология*. Таким образом, одна из первоочередных методологических проблем современной психологии - разработка *аппарата коммуникативной методологии*. Это тот случай, когда одной идеи и доброй воли принципиально мало: требуется конкретная технология, позволяющая такого рода работу

осуществлять. Без решения этой проблемы принципиально невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно неразработанность этой проблемы не позволяет находить взаимопонимание между различными подходами и направлениями в психологии. Без решения этой проблемы, естественно, невозможна интеграция психологического знания, накопленного в разных психологических традициях, школах и подходах, что является, на наш взгляд, первоочередной и важнейшей задачей психологической науки в наступившем XXI столетии.

В наших работах было показано, что одной из центральных методологических проблем психологии является проблема соотношения теории и метода в психологии (Мазилев, 1998, 2001). В настоящем пособии мы постараемся показать, как решение традиционной методологической проблемы (проблемы соотношения теории и метода) непосредственно приводит к выводу о необходимости разработки коммуникативной методологии и, более того, открывает многообещающие перспективы создания аппарата коммуникативной методологии.

М.Г. Ярошевский, известный отечественный историк психологии, предупреждал, что “всегда следует различать два уровня движения мысли ученого: уровень его представлений о своих задачах, об отношении к другим теориям, о факторах, которые препятствуют и способствуют успеху, – словом уровень рефлексии о собственной деятельности и другой, “глубинный” уровень, где идет реальная “категориальная” работа” (Ярошевский, 1974, с.57). Это, бесспорно, справедливо и для интересующей нас проблемы – отношения теории и метода в психологии. Проблема теории и метода в психологии имеет два аспекта. Первый связан с методологической рефлексией психологов. В специальных теоретических исследованиях или в методологических замечаниях в текстах своих работ психологи часто высказывают свои соображения о том, как соотносятся (или должны соотноситься) теория и метод в психологическом исследовании. Этот аспект обычно получает достаточное освещение в историко-психологических исследованиях. Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как реально соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса существует только один путь: требуется специальное историко-методологическое исследование. Анализ литературы показал, что, если первый аспект неоднократно был предметом научного рассмотрения, то второй практически специальному исследованию не подвергался. Между тем, стоит отметить, что важность подобного рода исследований очевидна. Дело в том, что между первым и вторым аспектами могут возникать “разночтения”, связанные с тем, что не всегда декларации и реальная исследовательская практика совпадают. Психология знает множество примеров, когда сформулированные принципы на деле нарушались. Поэтому “в теории” может быть одно, “на практике” – другое. В этом случае важно иметь представление о том, каково реальное соотношение “на самом деле”. Таким образом, изучение вопроса о соотношении теории и метода распадается на две составляющие: историко-психологическое рассмотрение методологических высказываний психологов и историко-методологическое исследование реальных соотношений между предметом и методом в психологической науке.

Сначала рассмотрим некоторые данные, соответствующие первому аспекту – “уровню рефлексии”. Этому вопросу будет посвящен первый параграф данного раздела (4.1.) Изложению некоторых результатов исследования второго, “глубинного” уровня будет посвящен второй параграф этого раздела (4.2.).

4.1. СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДА: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Как только психология стала самостоятельной наукой, возникла проблема соотношения теории и метода. Или, если быть совсем точным, перешла “на новый уровень”, став на некоторое время одной из центральных, и поэтому интенсивно обсуждаемых в научной психологии. В течение продолжительного времени (от возникновения научной психологии в семидесятые годы XIX века до конца двадцатых годов XX столетия) обсуждение метода психологии было практически обязательной частью любого, сколь-нибудь крупного сочинения по психологии. Затем ситуация начала меняться, проблема метода постепенно уходит на второй план, заменяясь проблемой методов, под которыми имеются в виду преимущественно методы эмпирические, методы “добывания фактов”. Но вернемся к рождающейся “новой” научной психологии. В философской психологии, которая предшествовала научной психологии, такая проблема тоже существовала. Поскольку философская психология была в то время, в сущности, разделом философии, вопрос о соотношении теории и метода решался вполне определенно: теоретической, спекулятивной дисциплине “соответствовал” философский метод. М.С. Роговин в качестве такого называл метод интерпретации (*Роговин, 1969*). Не будем здесь вдаваться в дискуссии по поводу метода интерпретации. Нас интересует положение дел в научной психологии, возникающей во второй половине XIX столетия.

Напомним, что выделяющаяся из философии психология заявила о себе как об опытной науке. Психология, поскольку выделялась она именно из философии, должна была убедительно продемонстрировать свою новизну, принципиальную отличность от философии. Такие отличия были найдены: в первую очередь психология декларировала новый предмет науки, во-вторых она заявила об использовании специальных методов. Вопрос о методах вовсе не так прост, как это может показаться на первый взгляд. В продолжение достаточно длительного времени основным методом психологии продолжала оставаться интроспекция. Она существенно модифицировалась и успешно “работала” внутри научной психологии. Поэтому титул “экспериментальная”, данный психологии Вильгельмом Вундтом, достаточно долгое время был двусмысленным, что вытекало из “нейтральности” самого эксперимента: он мог использоваться в субъективной психологии и тогда сочетался с внутренним наблюдением, самонаблюдением (*Selbstbeobachtung*) или внутренним восприятием (*innere Wahrnehmung*), либо в объективной психологии сопрягался с внешним наблюдением (либо с внешним самонаблюдением – как это ни удивительно, может быть и такое). Впрочем, к анализу методов, эксплуатируемых “новорожденной” психологией мы еще вернемся. А пока отметим третье важное обстоятельство: новая психология должна была стать

наукой. Во второй половине прошлого столетия это означало стать позитивной наукой, то есть не быть спекулятивной и метафизической (как философия), а стать похожей на физику, химию, биологию. Различные идеалы и образцы научности во многом определяли направление поисков в первых программах построения психологии как науки. Отметим, к слову, что институциональные успехи психологии (открытие лабораторий, получение права преподавания психологии в университетах на философских кафедрах, проведение съездов, издание журналов и т.д.) не заслоняли внутренних проблем. Тот же В. Вундт – “отец научной психологии” весьма опасался за будущее психологии. В статье “Психология в борьбе за существование” (Вундт, 1913) Вундт отмечал, что отделение от философии не может быть полным. Факт, который современному читателю может показаться удивительным: в сознании психолога конца XX столетия В. Вундт представляется гигантом, создавшим новую научную дисциплину, основанную на опыте, широко использующую эксперимент, короче, “позитивную” науку, лишенную “всякой метафизики”. Подобная картина далека от действительности. В. Вундт был не только эклектиком (напомню, У. Джемс уподоблял систему Вундта дождевому червю, утверждая, что, будучи рассеченной, она будет существовать в виде автономных частей, но и достаточно трезво мыслящим человеком. Он прекрасно понимал, что т.н. экспериментальная психология без “соединительной ткани” философии существовать просто не сможет. Поэтому отделение от философии пока может быть только декларативным (на словах, но не на деле). Впрочем, лучше предоставить слово самому В. Вундту: “Но те, более общие и потому наиболее важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии” (Вундт, 1913, с.117). Но не будем отвлекаться, вернемся к психологии экспериментальной или, как ее чаще именовал сам Вундт, психологии физиологической.

Итак, поскольку психология – наука, то в ней должна быть теория и должны быть факты. Факты обычно добываются эмпирическими методами. Отметим, что в психологии возникло устойчивое представление, что методы – это методы добывания фактов, методы эмпирические. “Другие” методы – например, теоретические, это “наследие” философии. У психологии, поскольку она наука, теоретических методов быть не должно, так как теория создается путем упорядочивания фактов с помощью логики. Но предоставим слово самому “создателю научной психологии”. В пятом издании “Основ физиологической психологии” Вундт пишет: “Всякая наука в конечном счете заключается в логическом соединении данных содержаний опыта” (Вундт, б.г., с. 1). Вундт осмотрительно отмечает, что пути к этой цели могут различаться, возможны дискуссии по поводу того, “насколько нужны и вообще нужны ли

для этого предпосылки, лежащие вне опыта” (Вундт, б.г., с. 1). “Всеобщее согласие можно встретить не только в определении задачи науки. И по отношению к другому, – методологическому требованию, существует полное согласие между всеми представителями науки, которые не верят, как некоторые философы, в чудодейственную силу специфического метода. Требование это заключается в том, что соединение данных содержаний опыта, составляющее сущность научной работы, должно безусловно подчиняться законам логического суждения и умозаключения” (Вундт, б.г., с. 1). Сложилось представление о психологии как опытной науке, в которой теория представляет собой “упорядоченное соединение данных содержаний опыта”. Собственно, так и должно было случиться, поскольку психология рассматривалась как непосредственная наука: интроспекция давала непосредственное знание о внутреннем опыте. Возможность такого интуитивного познания была провозглашена Р. Декартом. Как известно, Декарт не использовал термин “сознание”, предпочитая говорить о духе (*mens*). Но поскольку он определял его как “все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою” (Декарт, 1950, с.429), интроспективное понимание сознания было “налицо”. Декарт отчетливо формулирует идею интроспекции и обосновывает интроспективное понимание сознания, которое легло в основу эмпирической психологии.

В первых программах построения психологии как самостоятельной науки (и в вундтовской, и в альтернативной, предложенной Ф. Brentano) отчетливо артикулировалось, что психология должна быть опытной наукой. И физиологическая (экспериментальная) психология Вундта, и “психология с эмпирической точки зрения” Brentano предполагали использование различных вариантов метода интроспекции. Варианты существенно различались: в вундтовской лаборатории с помощью интроспекции необходимо было получить описание структуры опыта, тогда как, по Brentano, интроспекция (внутреннее восприятие) должна была выявить акты сознания в их целостности. Ясно, что требовалось обучение испытуемых (тренировка интроспекции) для решения столь сложных аналитически-интроспективных задач. Особые стандарты существовали в других психологических школах, культивирующих интроспекцию (в вюрцбургской школе, в Корнелле у Эдвара Титченера). Более того, стало очевидно, что интроспекция, несмотря на все попытки стандартизировать ее, сделать более строгой, остается процедурой весьма произвольной. Н.И. Пирогов очень проницательно заметил: “Еще гораздо труднее, ненормальнее и сомнительнее дело, когда мы беремся судить о нашем Я, другими словами – о нашем лично сознательном ощущении бытия, мысли и, вообще о присутствии в нас субъективного начала со всеми его (психическими) свойствами. В этом случае, – если правильно мое сравнение нашего Я с музыкантом, играющим одновременно на нескольких инструментах, – оно, наше Я, начинает играть не быв виртуозом, на одном из них исключительно и делает, конечно, *fiasco*” (Пирогов, 1887, с. 86-87). Даже длительная тренировка (напомним, что в вундтовской лаборатории, где требования к интроспекции, кстати, были не самыми строгими, испытуемый, выполнивший менее 10000 интроспективно проконтролированных реакций, не мог служить источником информации (Boring, 1953) не делала “виртуозом” хотя бы потому, что

“заставляла играть на одном инструменте” (требовалось либо описывать “структуру опыта”, либо “акты сознания”, либо “качества ощущений”, ни в коем случае не допуская “ошибки стимула”). Впрочем, не будем здесь перечислять варианты интроспективного метода, использовавшиеся в той или иной психологической школе. Отметим, что вышеприведенное “методологическое требование” В. Вундта, самим же Вундтом регулярно нарушалось. На этапе логического упорядочивания данных опыта в качестве “упорядочивающих” вводились гипотезы ad hoc. Про допустимость гипотез в объяснении, кстати, говорил сам Вундт: “Но абсолютно свободной от гипотез науки никогда не существовало и не может существовать: в тот момент, когда было бы закончено такое освобождение, наука, как таковая, исчезла бы, а на ее месте осталось бы лишнее связное перечисление фактов” (Вундт, б.г., с.3). Но поскольку в качестве гипотез вводились объяснительные концепты – такие как творческий синтез, апперцепция, становилось ясно, что “теоретический план” не просто логическая организация опыта, а нечто большее.

Г.И. Челпанов развел теоретический и экспериментальный уровни. В статье “Задачи современной психологии”, опубликованной в 1909 году, Г.И. Челпанов отмечает, что “все вопросы, касающиеся общих свойств сознания: внимания, апперцепции, воли и т.п., определений сознательного и бессознательного и т.п. решаются в области именно теоретической психологии... Это есть та часть психологии, без которой не могут существовать никакие вообще психологические исследования, в том числе и экспериментальные” (Челпанов, 1909, с. 295). К этому времени уже появились первые варианты опосредованного метода. Это означает, что добытые эмпирические факты не были просто материалом для упорядочивания средствами логики, но были объектом интерпретации с помощью психологической теории. Важную роль в превращении психологии в полноценную науку, имеющую свою теорию, сыграли Вюрцбургская школа и психоанализ, поскольку ими были обнаружены неосознаваемые тенденции. Но психология в целом в значительной мере продолжала оставаться непосредственной наукой. Таким образом, можно констатировать, что уже на ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки были отчетливо выражены две тенденции: первая была сформулирована Вундтом и состояла в том, что теория является производной от данных опыта, вторая, артикулированная Челпановым, заключалась в том, что теория психологии в известном смысле предшествует эмпирическому исследованию, в частности экспериментальному.

Взвешенную позицию по вопросу соотношения теории и метода занимал Н.Н. Ланге. В своей известной работе “Психология” Н.Н. Ланге выдвинул идею о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности теоретического и эмпирического, теории и факта. “Можно сказать, не боясь преувеличения, что описание любого психического процесса получает иной вид, будем ли мы его характеризовать и изучать в категориях психологической системы Эббингауза или Вундта, Штумпфа или Авенариуса, Мейнонга или Бине, Джемса или Г. Мюллера. Конечно, чисто фактическая сторона должна остаться при этом той же; однако в науке, по крайней мере в психологии, разграничить описываемый факт от его теории, то есть от тех научных категорий, при

помощи которых делается это описание, часто очень трудно и даже невозможно, ибо в психологии (как, впрочем, и в физике, по мнению П. Дюгема) всякое описание есть всегда уже и некоторая теория” (Ланге, 1996, с.73). Н.Н. Ланге развивает свою мысль о взаимосвязи теории и факта в психологии: “Специальные психологические журналы приносят нам ежемесячно десятки, по-видимому, чисто фактических исследований, особенно экспериментального характера, которые кажутся для поверхностного наблюдателя независимыми от этих принципиальных разногласий в основных научных категориях, разделяющих разные психологические школы. Однако, внимательно приглядываясь к этим исследованиям, легко убедиться, что уже в самой постановке вопросов и в том или ином употреблении психологических терминов (как то: память, ассоциация, ощущение, внимание и др.) содержится всегда то или иное понимание их, соответствующее той или иной теории, а следовательно, и весь фактический результат исследования сохраняется или отпадает вместе с правильностью или ложностью этой психологической системы. Самые, по-видимому, точные исследования, наблюдения и измерения могут, таким образом, оказаться при изменении в смысле основных психологических понятий ложными, или, во всяком случае, утратившими свое значение” (Ланге, 1996, с.73-74). Эти идеи Н.Н. Ланге получили развитие в отечественной психологической науке.

Специальное историко-психологическое исследование, в котором была рассмотрена история вопроса о соотношении теории и метода в психологии (Ждан, 1990), было проведено А.Н. Ждан. Автор отмечает “глубокую связь и преемственность разных этапов векового пути, пройденного отечественной наукой, и современных проблем экспериментального психологического исследования” (Ждан, 1990, с. 30). “В трудах ее выдающихся представителей прошлого – В.М. Бехтерева, А.Ф. Лазурского, Н.Н. Ланге, А.П. Нечаева и других накапливались факты и складывались теоретические принципы, которые обусловили большие успехи отечественной науки. Эти принципы были затем эксплицированы и углублены с позиций марксистско-ленинской философии в советской психологии” (Ждан, 1990, с. 30). А.Н. Ждан подробно анализирует взгляды на соотношение теории и метода в психологии Г.И. Челпанова, В.М. Бехтерева, Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурского, А.П. Нечаева. В данной работе дается интересный анализ “важнейших направлений в развитии теории”, составляющих “бесспорное достижение советской психологической науки, в которых построение теоретических основ осуществлялось в диалектическом единстве с разработкой новых методов исследования” (Ждан, 1990, с. 35). А.Н. Ждан прослеживает взаимосвязь между теоретическими положениями психолога – автора концепции и используемыми им (или разрабатываемыми специально) методами. Проанализировав концепции М.Я. Басова, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, автор статьи приходит к выводу, что “наиболее благоприятные условия для развития научного психологического познания возникают при соблюдении требования диалектического единства теории и метода” (Ждан, 1990, с. 41). “Таким образом, обращение к истории дает нам поучительные уроки, анализ и учет которых предостерегает от опасности как позитивистских тенденций в науке, так и от абстрактного теоретизирования” (Ждан, 1990, с. 40-41).

Принимая во внимание традиции отечественной психологии, требующие единства теории и метода, остановимся на некоторых собственно методологических моментах. Если воспользоваться удачным выражением М.Я. Басова, “для нас в настоящее время в психологических воззрениях прошлого их методологическая сторона важнее, чем самое их содержание” (Басов, 1931, с. 243). Одним из первых советских психологов, анализировавших соотношение теории и метода был М.Я. Басов. В фундаментальных “Общих основах педологии” М.Я. Басов посвящает целый “отдел” (“Отдел третий. Основание психологии”) обсуждению методологических вопросов. М.Я. Басов сочувственно цитирует Х. Инженероса, утверждавшего, что “взгляд на явления, которого придерживается ученый, работающий в какой-нибудь специальной научной области, определяет и его методы. Если “душа” рассматривается как какая-то особая сущность, существующая до всякого опыта и над организмом, то необходимо согласиться с классическим утверждением: “Сознательные состояния доступны только сознанию и должны быть интуитивно изучены интроспективным путем”. Если же “психические функции” рассматриваются как естественное приобретение живых существ в ходе биологического развития и как результат органической деятельности, то условия наблюдения их становятся все более объективными и экстероспективными” (Басов, 1931, с. 254-255). Вывод, к которому приходит М.Я. Басов, формулируется следующим образом: “Необходимо твердо усвоить простую истину, что установление метода исследования в области данной науки зависит от нашего понимания предмета этой науки. Поэтому, если ранее мы констатировали, что выясняемая сейчас установка психологии характеризуется пониманием предмета, противоположным тому, из которого исходила психология до сих пор, то из этого наперед можно сделать вывод, что и в отношении методов исследования эволюция данной науки приведет к соответственным результатам. В действительности так оно и получается” (Басов, 1931, с. 255). В конечном счете, по М.Я. Басову, и понимание предмета, и новая методология являются производными от представления о мире: “Антропологический субъективизм есть противоположность объективно-причинного мышления и такого же представления о мире. Из этого последнего рождаются одновременно и новое понимание предмета психологического изучения и его новая методология. (...) Что же касается методологии, вернее тех методов, какими располагает данная наука для исследования своего предмета, то они определяются этим предметом” (Басов, 1931, с. 255). Таким образом, согласно М.Я. Басову, детерминистическое представление о мире лежит в основе понимания предмета, а тот, в свою очередь, определяет, каковы будут методы.

Методологические вопросы психологии были предметом постоянных размышлений Л.С. Выготского. Как показали историко-психологические исследования, методологические представления Выготского неоднократно менялись (Ярошевский, 1993). Можно описать эволюцию методологических взглядов Л.С. Выготского. При этом несомненно, что главным, наиболее развернутым, является “методологическое исследование” – “Исторический смысл психологического кризиса”. Кратко остановимся лишь на некоторых положениях. Л.С. Выготский подчеркивает значение категории предмета науки

для психологии: “Эту стадию поисков и попытки применения общего всем психологическим дисциплинам абстрактного понятия, составляющего предмет всех их и определяющего, что следует выделять в хаосе отдельных явлений, что имеет для психологии познавательную ценность в явлении, – эту стадию мы видим ярко выраженной в нашем анализе и можем судить, какое значение эти поиски и искомое понятие предмета психологии, искомый ответ на вопрос, что изучает психология, могут иметь для нашей науки в данный исторический момент ее развития” (Выготский, 1982, с.298). Анализируя отношение “между материалом и обработкой, т.е. между предметом и методом науки”, Л.С. Выготский указывает, что “здесь спор может идти только о том, что определено чем: предмет методом или наоборот. Одни, как К. Штумпф, полагают, что всякие различия в методах коренятся в различии между предметами. Другие, как Риккерт, держатся того мнения, что разные предметы, как физические, так и психические, требуют одного и того же метода” (Выготский, 1982, с.320). Л.С. Выготский вводит чрезвычайно важное понятие – объяснительный принцип науки: “Но фундаментальное понятие, так сказать, первичная абстракция, лежащая в основе науки, определяет не только содержание, но и предопределяет характер единства отдельных дисциплин, а через это – способ объяснения фактов, главный объяснительный принцип науки” (Выготский, 1982, с.300). “Мы видим, что тенденция к обобщению и объединению знания переходит, перерастает в тенденцию к объяснению знания. Единство обобщающего понятия перерастает в единство объяснительного принципа, потому что объяснять значит устанавливать связь между одним фактом или группой фактов и другой группой, ссылаться на другой ряд явлений, объяснять – значит для науки – причинно объяснять. Пока объединение производится внутри одной дисциплины, такое объяснение устанавливается путем причинной связи явлений, лежащих внутри одной области. Но как только мы переходим к обобщению отдельных дисциплин, к сведению в единство разных областей фактов, к обобщениям второго порядка, так сейчас же мы должны искать и объяснения более высокого порядка, т.е. связи всех областей данного знания с фактами, лежащими вне их. Так поиски объяснительного принципа выводят нас за пределы данной науки и заставляют находить место данной области явлений в более обширном кругу явлений” (Выготский, 1982, с.300-301). Л.С. Выготский подчеркивает, что “обобщение понятия и объяснительный принцип только в соединении друг с другом, только то и другое вместе определяют общую науку” (Выготский, 1982, с.301). Л.С. Выготский выделяет пять этапов в развитии объяснительных идей, тем самым формулируя концепцию развития психологической теории. Чрезвычайно важными представляются рассуждения Л.С. Выготского об аналитическом методе, об опосредствованном (косвенном, по выражению Выготского) характере психологического метода. В другой работе Л.С. Выготский описывает отношение психологической теории и эксперимента следующим образом: “Методика современного психологического эксперимента тесными нитями связана с общими принципиальными вопросами психологической теории и всегда являлась в конечном счете лишь отражением того, как решались важнейшие проблемы психологии” (Выготский, 1984, с.75).

Методологическим проблемам психологии большое внимание уделял С.Л. Рубинштейн. В “Основах общей психологии” он отмечал, что “характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т.е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик. Под методом науки – в единственном числе – можно разуметь систему ее методов в их единстве. Основные методы науки – не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую – рациональной, характеризуя таким образом предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией” (Рубинштейн, 1946, с.27). С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что исследователь может и не осознавать, что его научная работа реализует ту или иную методологию. В книге “Принципы и пути развития психологии” С.Л. Рубинштейн возвращается к анализу вопроса о психологической теории. Автор отмечает, что “главная задача всякой теории, в том числе психологической, вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений. Каждая теория строится на том или ином понимании детерминации явлений. Теоретическим фундаментом нашего подхода к построению психологической теории является принцип детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании” (Рубинштейн, 1959, с. 23-24). С.Л. Рубинштейн подчеркивает: “Пути психологического, как и всякого вообще научного исследования, всегда более или менее осознанно определяются той теоретической концепцией, которая лежит в его основе. Эта теоретическая концепция определяет построение исследования. Каковы должны быть построение и пути психологического исследования? Решающим здесь должно явиться диалектико-материалистическое понимание детерминизма. Прямым выражением этого понимания является положение, что внешние причины действуют через внутренние условия” (Рубинштейн, 1959, с. 33).

Практически все авторы, которые занимались исследованием методологических проблем психологии, отмечали наличие тесной связи теории и методов. И.И. Иванова и В.Г. Асеев констатируют: “Ни в одной из научных областей результаты конкретного исследования не зависят в такой степени прямо и непосредственно от исходных методологических посылок и используемых методических приемов как в психологии” (Иванова, Асеев, 1969, с. 218). Авторы подчеркивают необходимость различения эмпирического факта и факта научного. “Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется” (Иванова, Асеев, 1969, с. 220). И.И. Иванова и В.Г. Асеев акцентируют “сложность логики психологического исследования: от

исследований поискового, ориентировочного уровня к эмпирическим гипотезам и предварительным теоретическим представлениям; от более организованного направленного исследования к более разработанной теории и более обоснованной гипотезе дальнейшего исследования” (Иванова, Асеев, 1969, с. 245). Авторами подчеркивается, что “методологические принципы и теоретические положения являются критерием самого выбора и формулировки проблемы исследования, разработки гипотезы, эффективной процедурной организации исследования и интерпретации психологических данных. Без такой методологической и теоретической основы психологические исследования неизбежно превращаются в слепой эмпирический поиск. В связи с этим важно подчеркнуть опасность позитивистской абсолютизации “точного” эмпирического факта. Актуальной задачей психологических исследований является не обеспечение их эмпирической “объективности”, “непредвзятости”, в смысле независимости от методологического и теоретического багажа, а наоборот – максимальное использование теоретических положений и опора на основные достижения методологии. Без постоянной параллельно осуществляющейся теоретической и методологической работы и постоянного взаимного обогащения конкретных исследований и теории действительный прогресс психологии невозможен” (Иванова, Асеев, 1969, с. 245).

Методологические вопросы психологии исследовались К.А. Абульхановой-Славской. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, “роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в определении предмета исследования науки, в данном случае психологии” (Абульханова-Славская, 1969, с. 318). Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К.А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: “В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования” (Абульханова-Славская, 1969, с.320). “Общий анализ объекта психологии с позиции философии отмечает двойственность психических явлений, которая заключается в том, что они одновременно принадлежат к явлениям сознания и бытия (не только в его природных, но и в его общественных формах). Выполняя общую функцию объединения отдельных методологических принципов психологии, принцип детерминизма ликвидирует пропасть между областью сознания, вообще психического, и областью бытия, обнаруживая на разных уровнях общий принцип взаимодействия внешних и внутренних условий” (Абульханова-Славская, 1969, с. 331).

Важный вклад в исследование проблемы соотношения теории и методов внес Б.Г. Ананьев. Проанализировав классификацию методов психологического

исследования, разработанную болгарским ученым Г.Д. Пирьовым, Б.Г. Ананьев предложил свою классификацию. Согласно Г.Д. Пирьову, могут быть выделены следующие методы психологического исследования: 1) наблюдение, подразделяющееся на объективное наблюдение и самонаблюдение, 2) эксперимент, в котором могут быть выделены лабораторный, естественный и психолого-педагогический, 3) метод моделирования, 4) метод психологических характеристик, 5) вспомогательные методы (физиологические, фармакологические, биохимические, математические и т.д.), 6) специальные методические подходы (Пирьов, 1968). Как отмечал Б.Г. Ананьев, классификация Г.Д. Пирьова “во многом соответствует современному состоянию научного аппарата современной психологии” (Ананьев, 1996, с.296). Вместе с тем, она имеет очевидные недостатки, что побудило Б.Г. Ананьева к разработке собственной классификации методов психологического исследования. По Б.Г. Ананьеву, “необходима такая рабочая квалификация методов исследования, которая соответствовала бы порядку операций в научном исследовании, определенному целостному циклу современного психологического исследования. Планирование и программирование исследования не ограничиваются определением проблемы и реализацией ее совокупности тем. Планируются и программируются система методов и порядок их применения, связанные с гипотезами и концепциями исследования, основанными на критическом анализе истории и состояния вопроса, обобщении итогов предшествующего исследования” (Ананьев, 1996, с. 301). Б.Г. Ананьевым выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят наблюдательные, экспериментальные, психодиагностические методы, праксиметрические и биографические методы); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов). Классификация Б.Г. Ананьева позволила представить систему методов, отвечающую требованиям современной психологии. Отметим, что предложенная классификация стимулировала исследования по проблеме, что привело впоследствии к появлению альтернативных классификаций психологических методов. Классификация Б.Г. Ананьева предполагает определенное отношение теории и метода. В классификации не выделяются и не упоминаются вообще собственно теоретические методы. Теория, согласно классификации, выступает одним из конечных результатов исследования. Характеризуя организационные методы, Б.Г. Ананьев отмечает: “Они действуют на протяжении всего исследования, и их эффективность определяется по конечным результатам исследования (теоретическим – в виде известных концепций, практическим в виде определенных рекомендаций...)” (Ананьев, 1996, с. 301-302). Может создаться впечатление, что концепция Б.Г. Ананьева вообще не предполагает выделения теоретических методов в психологии. Некоторые основания для этого есть: в приведенной классификации выделение теоретических методов не предусмотрено. Однако, в другом месте Б.Г. Ананьев отмечает, что “диалектика перехода от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике обеспечивает взаимосвязь эмпирических и рациональных методов исследования, сочетание

различных модификаций обоих видов средств научного познания и прогрессирующее их проникновение в глубинные процессы и механизмы. В отношении рациональных (логических) методов исследования возникли новые возможности их усиления в связи с эвристикой и перспективами научного прогнозирования” (Ананьев, 1996, с.290-291). Чрезвычайно важным является сформулированное Б.Г. Ананьевым положение, согласно которому методы являются не только инструментом познания, но и представляют “гносеологические объекты” для психологии: методы “функционируют как системы операций с психологическими объектами и как гносеологические объекты для самой психологической науки (Ананьев, 1996, с.282). Иными словами, необходимы психологические исследования самих методов, их структуры, возможностей и т.д. Таким образом, ананьевские работы не только раскрывают новую методологию психологического исследования, но и имеют эвристическое значение, стимулируют дальнейшие исследования по проблеме методов. Характеризуя интерпретационные методы, Б.Г. Ананьев делает важное замечание: “В сущности говоря, на этом методологическом уровне метод становится в известном смысле теорией, определяет путь формирования концепций и новых гипотез, детерминирующих дальнейшие исследовательские циклы психологического познания” (Ананьев, 1976, с.31). Связь метода и теории в психологической концепции Б.Г. Ананьева, таким образом, не подлежит сомнению.

Классификация методов альтернативная ананьевской была предложена в конце восьмидесятых М.С. Роговиным и Г.В. Залевским (Роговин, Залевский, 1988). Авторы рассматривают метод “как выражение некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания” (Роговин, Залевский, 1988, с. 72). Общее число методов, согласно М.С. Роговину и Г.В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый – герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй – биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий – наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый – самонаблюдение. На основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый – клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой – метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (Роговин, Залевский, 1988, с. 72-73). Отметим, что классификация М.С. Роговина и Г.В. Залевского так же, как и предложенная Б.Г. Ананьевым, не предусматривает выделения теоретических методов. В плане интересующей нас проблемы данная работа М.С. Роговина и

Г.В. Залевского выделяется тем, что в ней методы психологии соотносятся не с предметом, как это традиционно делалось (и что можно увидеть из приведенного выше краткого обзора), а с объектом психологического исследования. Авторы акцентируют внимание на наличии “теоретически важнейшей проблемы о диалектическом единстве объекта и метода исследования” (Роговин, Залевский, 1988, с. 16). М.С. Роговин и Г.В. Залевский подчеркивают, что “сложность предмета и объекта исследования в науках о психике обуславливает особую значимость для них проблемы единства объекта и метода” (Роговин, Залевский, 1988, с. 16).

Другая альтернативная ананьевской классификация методов предложена В.Н. Дружининым. В.Н. Дружинин полагает, что в психологии целесообразно выделение трех классов методов: 1) эмпирических, при которых осуществляется внешнее реальное взаимодействие субъекта и объекта исследования; 2) теоретических, при которых субъект взаимодействует с мысленной моделью объекта (предметом исследования); 3) методов интерпретации и описания, при которых субъект “внешне” взаимодействует со знаково-символическими представлениями объекта. Заслуживает особенного внимания выделение автором теоретических методов психологического исследования: 1) дедуктивного (аксиоматического и гипотетико-дедуктивного), иначе – восхождения от общего к частному, от абстрактного к конкретному; 2) индуктивного – обобщения фактов, восхождения от частного к общему; 3) моделирования – конкретизации метода аналогий, умозаключений от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой или доступный для исследования. Результатом использования первого метода являются теории, законы, второго – индуктивные гипотезы, закономерности, классификации, систематизации, третьего – модели объекта, процесса, состояния (Дружинин, 1993). От теоретических методов В.Н. Дружинин предлагает отличать методы умозрительной психологии. Различие между этими методами автор видит в том, что умозрение опирается не на научные факты и эмпирические закономерности, а имеет обоснование только в личностном знании, интуиции автора. “Умозрительный психолог, как философ, порождает приемлемые с личной точки зрения модели психической реальности, либо ее отдельных составляющих (теории личности, общения, мышления, творчества, восприятия и т.д.) Продуктом умозрения является учение, то есть некоторый целостный мыслительный продукт, объединяющий в себе черты рационального и иррационального знания, претендующий на полноту и единственность объяснения некоторой реальности и не предусматривающий своей фальсификации (опровержения) при эмпирическом исследовании” (Дружинин, 1993, с. 9). По мнению В.Н. Дружинина, в психологическом исследовании центральная роль принадлежит методу моделирования, в котором различаются две разновидности: структурно-функциональное и функционально-структурное. “В первом случае исследователь хочет выявить структуру отдельной системы по ее внешнему поведению и для этого выбирает или конструирует аналог (в этом и состоит моделирование) – другую систему, обладающую сходным поведением. Соответственно, сходство поведения позволяет сделать вывод (на основе правила логичного вывода по аналогии) о сходстве структур. Этот вид

моделирования является основным методом психологического исследования и единственным в естественнонаучном психологическом исследовании. В другом случае, по сходству структур модели и образа исследователь судит о сходстве функций, внешних проявлений и пр.” (*Дружинин, 1993, с. 9*). Важным представляется описание иерархии исследовательских приемов. В.Н. Дружинин предлагает выделять в этой иерархии пять уровней: уровень методики, уровень методического приема, уровень метода, уровень организации исследования, уровень методологического подхода. В.Н. Дружининым предложена трехмерная классификация психологических эмпирических методов. Рассматривая эмпирические методы с точки зрения взаимодействия субъекта и объекта, субъекта и измеряющего инструмента, объекта и инструмента, автор дает новую классификацию эмпирических психологических методов. За основу автором берется система “субъект-инструмент-объект”. В качестве оснований для классификации выступают отношения между компонентами модели. Два из этих оснований (мера взаимодействия исследователя и исследуемого и мера использования внешних средств или субъективной интерпретации) являются главными, одно – производным. Согласно В.Н. Дружинину, все методы делятся на: деятельностные, коммуникативные, обсервационные, герменевтические. Выделены восемь “чистых” исследовательских методов (естественный эксперимент, лабораторный эксперимент, инструментальное наблюдение, наблюдение, интроспекция, понимание, свободная беседа, целенаправленное интервью). Выделены также синтетические методы, объединяющие в себе черты чистых методов, но не сводящиеся к ним. В качестве синтетических методов предлагается рассматривать клинический метод, глубинное интервью, психологическое измерение, самонаблюдение, субъективное шкалирование, самоанализ, психодиагностику, консультационное общение.

Важные аспекты интересующей нас проблемы обсуждаются в книге В.П. Зинченко и С.Д. Смирнова (*Зинченко, Смирнов, 1983*). Данная работа интересна тем, что в ней содержится попытка применить к психологии методологические схемы, созданные отечественными методологами науки (Э.Г. Юдин и др.). С.Д. Смирнов, анализируя структуру и функции методологии науки, выделяет четыре ее уровня: уровень философской методологии, уровень конкретно-научной методологии, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень методики и техники исследования. С.Д. Смирнов отмечает, что “предмет исследования является одной из центральных категорий методологического анализа. Зарождение и развитие науки связано с формированием и изменением предмета науки. Радикальное изменение предмета исследования ведет к революции в самой науке. В предмет исследования входят объект изучения, исследовательская задача, система методологических средств, и последовательность их применения. Предметы исследования могут быть разной степени общности, наиболее масштабным является предмет данной науки в целом, который выполняет по отношению к предмету частного исследования методологическую функцию” (*Зинченко, Смирнов, 1983, с.25*). Вслед за методологами науки, С.Д. Смирнов отмечает, что могут быть выделены последовательные этапы исследовательского движения: постановка проблемы, построение и обоснование предмета исследования, построение теории и проверка полученных результатов. Согласно

С.Д. Смирнову, “постановка проблемы опирается не только на обнаружение неполноты имеющегося знания, но и на некоторое “предзнание” о способе преодоления этой неполноты. Именно критическая рефлексия, ведущая к обнаружению пробелов в системе знания или ложности его неявных предпосылок играет здесь ведущую роль. Сама работа по формулировке проблемы носит принципиально методологический характер, независимо от того, опирается ли исследователь сознательно на те или иные методологические положения или они определяют ход его мыслей неявным образом” (Зинченко, Смирнов, 1983, с.26). Важно отметить, что “работа по построению и обоснованию предмета исследования также является преимущественно методологической, в ходе которой осуществляется развертывание проблемы, включение ее в систему существующего знания. (...) На стадии построения предмета исследования чаще всего и вводятся новые понятия, методы обработки данных и другие средства, пригодные для выполнения поставленной задачи” (Зинченко, Смирнов, 1983, с.26).

Вопросы соотношения теории, эксперимента, практики специально исследовались в работе Б.Ф. Ломова, посвященной анализу методологических и теоретических проблем психологии. Б.Ф. Ломовым ставится проблема “конструктивности” теории, возможности ее эффективного применения, формулируется ряд требований, эту конструктивность обеспечивающих. По мнению Б.Ф. Ломова, важным является “вопрос о мере обобщения, которая должна соответствовать качественной специфике изучаемых явлений – не только раскрывать их общие основания, но и давать возможность исследовать общее и единичное” (Ломов, 1984, с.37). В данной работе ставится чрезвычайно важный вопрос о постулатах, на которых строится теория. Б.Ф. Ломов отмечает, что “далеко не всегда в теоретических работах по психологии исходные постулаты формулируются достаточно четко, что затрудняет проверку предлагаемых гипотез, переход от гипотез к теориям и использование их в практике” (Ломов, 1984, с.38). В качестве других требований к психологической теории Б.Ф. Ломов называет прогностическую ценность, проверяемость, соответствие фактам. “Психологии нужна такая теория, которая могла бы объяснить источники реальных противоречий, основания качественных преобразований в психическом развитии человека, системный характер психических явлений и их детерминант, рассмотреть психическое в его сложной динамике” (Ломов, 1984, с.44). В рассматриваемой работе ставится актуальный для современной психологической науки вопрос об уровнях психологической теории: “Теоретическое здание психологической науки – это сложное многоэтажное сооружение. Неверно представлять себе дело таким образом, будто теория психологии является просто набором общих идей и принципов, расположенных как бы в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам психического, другие к специальным областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы и т.д. Можно, по-видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений, а соответственно и о разных уровнях теоретических обобщений и синтеза” (Ломов, 1984, с.49). Отмечая, что современная психология располагает богатым арсеналом методов, Б.Ф. Ломов формулирует как одну из важнейших задач

психологии на современном этапе развития “рассмотреть все разнообразные используемые ею методы как единую систему, раскрыть “разрешающую способность” и ограничения каждого из них, а также условия и возможности взаимопереходов между ними в зависимости от логики проводимого исследования” (Ломов, 1984, с.42). Завершая рассмотрение проблемы соотношения теории, эксперимента и практики в психологии, Б.Ф. Ломов приходит к выводу, что “диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук” (Ломов, 1984, с.51). “Психологическая теория развивается на базе тех данных, которые накапливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях. Являясь для теории неиссякаемым источником информации они служат и средством проверки ее истинности. Вместе с тем развивающаяся теория направляет поиски решения задач, возникающих в эксперименте и практике. Диалектическое единство теории, эксперимента и практики – это важнейший принцип перспективного планирования развития психологической науки и профессиональной деятельности психологов” (Ломов, 1984, с.51).

Исследование специфики психологического эксперимента было проведено Ю.М. Забродиным (Забродин, 1990). В частности, Ю.М. Забродин обращает внимание на связь эксперимента и гипотезы: “Мы крайне редко замечаем тесную связь между экспериментом и гипотезой: если гипотеза формулируется неконструктивно, недостаточно правильно, неточно или нечетко, то экспериментирование может превратиться в нецеленаправленную, нерегулярную (хаотическую) активность исследователя, так как он не знает точно, для чего и почему он проводит эксперимент” (Забродин, 1990, с.24). “Гипотеза, следовательно, вполне определенным образом формирует условия и структуру эксперимента. Тогда смысл экспериментирования состоит в “переводе”, отображении теоретических условий гипотезы на ситуации контролируемой реальности и замене идеального объекта гипотезы на реальный (испытуемого). Эксперимент, как и любая другая практика, есть контакт исследователя с реальностью, но с реальностью ограниченной, созданной искусственно и специально для ответа на соответствующий теоретический вопрос” (Забродин, 1990, с.24-25). Ю.М. Забродин подчеркивает: “Смысл и конечная цель представленной нами работы состоит в том, чтобы исследователь-психолог начал думать над экспериментом и создавать свои оригинальные экспериментальные методики, опираясь на суть своего теоретического замысла. Если мы как психологи-исследователи будем делать это хорошо, то научимся и внедрять психологическое знание в научную практику, в нашу собственно научную деятельность. Накопив этот опыт, нам будет значительно легче применять психологические знания в реальной жизни, решая реальные практические задачи. С этой точки зрения представляет интерес дальнейший анализ взаимосвязи теории и эксперимента. Важно понять, каким образом оформляется сама экспериментальная проблема, формируется гипотеза, организуется структура соответствующего эксперимента, и наконец, как связан результат эксперимента с постановкой теоретического вопроса” (Забродин, 1990, с.29). В концепции Ю.М. Забродина мы видим иную модель отношения теории и эксперимента: “Крайне важно увидеть, что в различных формах экспериментирования, безотносительно к тому, насколько близко или

далеко оно отстоит от реальности, мы можем усмотреть взаимосвязь между спецификой конкретного эксперимента и полнотой реализации в данной экспериментальной модели теоретического (или мысленного) замысла. Чем слабее теория, тем ближе к реальности должен быть эксперимент, чем глубже, тоньше и деликатнее теоретические вопросы, тем экзотичнее и искусственнее может выглядеть экспериментальная ситуация” (Забродин, 1990, с.29).

Завершая краткий обзор исследований соотношения теории и метода в психологии, отметим, что нельзя не согласиться с оценкой, данной А.Н. Ждан: “Таким образом, история отечественной науки дает яркие примеры действительно диалектического единства теории и метода, в частности, эксперимента, когда экспериментальные методы являются результатом большой теоретической работы, а их применение способствует развитию теории. Обращение к истории отечественной, в частности, советской психологии позволяет утверждать, что именно на путях органического единства психологической теории и метода нашими учеными были сделаны наиболее важные теоретические открытия, обеспечено практическое применение результатов психологического исследования” (Ждан, 1990, с.40). Проведенный обзор исследований по проблеме соотношения теории и метода позволяет подвести некоторые итоги. Представляется несомненной связь между теорией и методом. Практически всеми авторами, анализировавшими данную проблему, наличие такой связи подтверждается. Важно подчеркнуть, что теория при этом выступает как определяющая методы, детерминирующая их выбор. Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд вопросов, имеющих отношение к данной проблеме, в отечественной психологии не получил достаточного освещения. В первую очередь это касается самого единства теории и метода. Здесь можно увидеть некоторое противоречие. Действительно, с одной стороны теория обуславливает выбор метода, в этом смысле она “первична”. С другой стороны, не менее хорошо известно, что теория является результатом научного исследования и, следовательно, результатом использования тех или иных методов. Можно предположить, что причина такого парадокса в том, что связь теории и метода в нашей психологии рассматривается почти исключительно в статике, вне контекста развития, возникновения и становления научной теории. Приходится констатировать, что данный вопрос в нашей психологии специально практически не исследовался. Введение принципа “развития” теории заставляет предположить, что к выбору метода (или его конструированию) имеет отношение не “готовая” теория, являющаяся результатом научного исследования, а или ее отдельные компоненты, либо некоторое “предвосхищение”, “предтеория”. В свете этих соображений становятся понятны указания некоторых авторов, полагавших, что выбор методов определяется не теорией как таковой, а предметом науки, ее объектом и т.д. Есть, кроме того, ряд вопросов, не получивших специального исследования, но имеющих для психологии исключительное значение. Это представляется удивительным, но тем не менее – факт, что практически все психологи, писавшие о теории, о методе, об их соотношении предпочитают обсуждать именно эмпирические методы. В.Н. Дружинин – один из немногих авторов, отмечавших существование теоретических методов психологии, предложивший их классификацию. В существующей методолого-

психологической литературе нам не удалось найти указаний на то, использует психология общенаучные теоретические методы или же теоретические методы психологии имеют свою специфику. Открытым остается вопрос о связи теоретических и эмпирических методов в психологической науке: специальных исследований по этой проблеме до сих пор не проводилось. Нам не известны также историко-методологические работы, в которых была бы поставлена специальная задача исследовать проблему реального соотношения теории и метода в научной психологии.

4.2. Соотношение теории и метода в психологии: теоретическая модель

Было проведено специальное исследование, посвященное проблеме соотношения теории и метода в психологической науке (Мазиллов, 1998, 2001). Изначально представлялось совершенно ясным, что между теорией и методом должно существовать отношение достаточно тесное. Ведь еще в прошлом столетии Гегель говорил о том, что теория на известном этапе может становиться методом исследования. Метод, согласно Гегелю, «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет вперед себя содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе» (Гегель, 1937, с. 34). На это указывала и этимология самих слов «теория» и «метод».

Метод (греч. путь исследования или познания, теория, учение) — способ построения и обоснования философского и научного знания; совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Хотелось бы обратить внимание на то, что этимология слова свидетельствует о близости метода и теории: одно из значений слова «метод» указывает на теорию, учение, что, на наш взгляд, знаменательно. В данной работе целесообразно различать метод как способ построения и обоснования научного знания и метод как совокупность приемов и операций практического «освоения действительности» (т.е. эмпирический метод, метод «добывания» эмпирических фактов).

Теория (греч., от рассматриваю, исследую), в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории. Хотим и в этом случае обратить особое внимание на то, что этимология указывает на познавательные действия, которые предполагают определенные способы. Связь между методами и теорией «в языке» несомненна.

Обращение к работам психологов, однако, выявило чрезвычайно странную (и достаточно неожиданную) картину. С одной стороны, наличие такой связи, по-видимому, было хорошо известно психологам разных поколений: упоминаний о том, что теория и метод связаны между собой, обнаружилось предостаточно — фактически, каждым крупным психологом такая констатация (в той или иной форме) была сделана (см. обзор в

предыдущем параграфе этого раздела). Но далее общих утверждений дело почему-то не шло. Более того — и это удивляет более всего — специальных работ, в которых бы раскрывались механизмы такого соотношения, вообще обнаружить не удалось. Налицо парадокс: проблема теории и метода в психологии является одной из центральных среди методологических проблем современной психологической науки, от разрешения этой проблемы зависит решение многих других методологических вопросов. Во всяком случае совершенно очевидно, что разработка проблемы теории и метода является необходимым условием для методологического соотнесения различных психологических теорий, подходов, направлений. Парадокс состоит в том, что, этот вопрос, насколько можно судить по литературе, психологов, кажется, совершенно не волнует: кроме общих констатаций наличия тесной связи (или даже единства) о реальном взаимодействии теории и метода в психологии, сказать, фактически, нечего. Ситуация с исследованием проблемы соотношения теории и метода в психологии очень напоминает некогда описанную еще Блаженным Августином: мы думаем, что знаем о вещи, пока нас никто о ней не спрашивает, но если кто-то начинает спрашивать, то мы ощущаем бессилие что-либо сказать.

М.Г. Ярошевским, как уже указывалось, было введено важное различие. Согласно М.Г. Ярошевскому, в историко-психологическом анализе выделяются два уровня. Первый уровень — уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Второй уровень — глубинный, где идет реальная «категориальная» работа. Реалии второго, глубинного уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов и теорий. Важно отметить, что между этими уровнями возможны расхождения: рефлексия исследователя часто бывает неполной, вследствие чего важные моменты не получают отражения в сознании. Кроме того, существует феномен «гетерогонии целей», как его называл Вундт: намерения исследователя (отражающиеся в методологических высказываниях) не всегда реализуются, иногда по ходу исследования вносятся существенные коррективы, являющиеся результатом проведенной работы (не всегда осознаваемые автором). В итоге исследование реально решает не те задачи, которые ставились изначально (сам исследователь зачастую не отдает себе отчета в произошедших изменениях). Наконец, использование определенных методов относится к той стороне деятельности, которая, будучи «технической», далеко не всегда осознается самим исследователем. Тем более это относится к осознанию связи, существующей между теориями и используемыми в исследовании методами. Можно привести высказывания многих психологов о том, как соотносятся или должны соотноситься теория и метод в психологическом исследовании (что соответствует первому аспекту проблемы, который, напомним, подробно обсуждался в предыдущем параграфе).

Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как реально соотносятся теория и метод в том или ином психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса требуется *специальное историко-методологическое исследование*. Если первый аспект, как мы видели, неоднократно был предметом

рассмотрения, то второй практически специальному исследованию не подвергался.

Распространенное представление, согласно которому теория детерминирует выбор метода, нуждается, по меньшей мере, в конкретизации или уточнении. Многими авторами подчеркивалась определяющая роль теории в этом соотношении. Но теория выступает результатом научного исследования, тогда как методы являются средством получения этого результата и их использование явно предшествует формулировке теории. Другим чрезвычайно актуальным вопросом является проблема методов психологии. Существуют ли специальные теоретические методы психологии? Как ни удивительно, на столь естественный вопрос достаточно определенного ответа, в общем-то, нет. И, что удивительнее всего (автора настоящих строк это поражает до глубины души!), создается стойкое впечатление, что современную психологию это вроде бы и не особенно интересует. Во всяком случае, очень немногие авторы эту проблему упоминают (до исследования этой проблемы дело, как правило, не доходит).

В чем же состоит причина отмеченного выше парадокса? Известно, что наука может рассматриваться как концептуальная система и как деятельность. Г. Гаттинг — известный методолог науки — полагает, что наиболее сложная проблема в методологии — синтез представлений о науке как концептуальной структуре и человеческой деятельности. Обычно теория и метод рассматриваются в различных контекстах: теория анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. Возникает задача планирования такого исследования, в котором проблема соотношения теории и метода анализировалась бы в рамках одного «контекста». Целесообразно начинать с анализа в контексте науки как концептуальной системы. Возможно, это позволит получить новые данные об отношении между теорией и методом в психологии и на основе этих данных разработать модель соотношения теории и метода.

Было бы очень заманчиво окунуться в «гущу событий», обратившись к анализу самого последнего этапа кризиса в психологической науке, либо к анализу современных психологических концепций. Но такой ход оказывается невозможным, поскольку в этом случае мы оказываемся лишенными каких бы то ни было рабочих схем (кроме интуитивных, что, разумеется, неплохо, но в других случаях: здесь, когда исследование должно выявить, по сути, «работу» таких же недостаточно хорошо осознаваемых — очень похожих на интуитивные — «оснований», такой метод вряд ли может считаться приемлемым). Поэтому мы вынуждены начать «с начала», даже если маркировка очевидно условна. Поскольку нас интересует научная психология, то необходимо проанализировать основные, существенные в методологическом отношении этапы формирования психологии как научной дисциплины, по возможности рассмотрев как внутренние изменения, по всей вероятности, связанные с теорией и методами, так и «внешние» (ведь, для того, чтобы «выделиться» в качестве самостоятельной науки, надо «стать таковой» в глазах научного сообщества: следовательно, возможны — да и просто необходимы — декларации, соответствующие этим ожиданиям).

В статье «Экспериментальный метод исследования» В.Д. Шадриков анализирует два возможных пути построения психологической науки: аксиоматический и экспериментальный (Шадриков, 1974). В.Д. Шадриков анализирует достоинства и недостатки этих методологических стратегий построения науки. Несомненно существование экспериментальной психологии. Возможно ли существование «чисто экспериментальной» науки? Автора настоящих строк давно не покидает ощущение того, что даже «самая эмпирическая» наука имеет некоторые априорные предпосылки.

Сказанное выше о невнимании психологов к вопросу о соотношении теории и метода может показаться сильным преувеличением. Тем не менее, такое невнимание налицо. Механизм связи теории и метода изучен, раскрыт и объяснен совершенно недостаточно. Исследование этого вопроса тем более важно, что многими авторами вопрос как бы «выносится за скобки», поэтому выпадает из поля внимания. Примером может служить уже упоминавшаяся известная работа классика мировой психологической науки Жана Пиаже (1963, рус. пер. 1966). Если начинать с эмпирического исследования, использующего тот или иной метод (в случае, который анализирует Пиаже, эксперимента, направленного на выявление причин иллюзий восприятия), обнаруживающего факты и законы, создается устойчивое впечатление, что основной задачей науки является объяснение. При этом интересующий нас вопрос, почему используется именно такой метод (именно такой вариант эксперимента), оказывается неправомерным, поскольку метод был «задан» изначально. Возникает впечатление, что объяснение «с помощью гипотез» охватывает всю методологию психологического исследования. никоим образом не умаляя важности проблемы объяснения, заметим, что к ней нельзя свести всю «методолого-психологическую» проблематику. Более того, ясно, что проблема объяснения может быть разрешена лишь тогда, когда будет раскрыто реальное место объяснения в структуре психологического исследования, т.е. выявлены существующие отношения между всеми его составляющими. Таким образом, при подходе, аналогичном использованному Ж. Пиаже, проблема «закрывается». Исследователь фактически лишается возможности выяснить, почему используется такой вариант эксперимента, а не какой-либо другой. Мы, напротив, полагаем, что это один из наиболее важных методологических вопросов психологического исследования. И то, что исследователь каким-то удивительным образом из всех возможных выбирает тот вариант метода, который соответствует его ожиданиям, нуждается в специальном исследовании и объяснении.

Многие авторы высказывают соображения, что в абсолютно «чистом» виде в жизни ни эмпирический, ни аксиоматический подходы неосуществимы. Реально мы имеем дело с достаточно сложными гибридами. Собственно говоря, об этом пишут и писатели, и философы. Так, к примеру, выглядит эта проблема в восприятии известного швейцарского писателя: «Разум путем логического умозаключения может спокойно вывести одну правду из другой, что обычно и делают, извлекая ее в свою очередь из предыдущей и так далее, пока не доберутся до истины — полной и непреложной, что означает — полученной методом дедукции или, напротив, индукции, опирающейся на вымысел, чувственный опыт, гипотезу или версию. Разум и дедукция делают ставку на

безошибочность и надежность, индукция отваживается на риск. Поэтому дедукция — метод богов: правду знают одни они и в своих суждениях всегда следуют от общего к частному. Однако человеческая жизнь редко складывается по законам дедукции, чаще ее носит по своим волнам индукция, во власти которой эта жизнь находится, поскольку полна неожиданностей, заведомо не поддающихся расчету, но именно все то непрогнозируемое, что мы называем «случай» и что сваливается нам на голову, как метеор, обычно превращается, едва успев шмякнуться на нас и раздавить в лепешку, в нечто такое, что тут же учитывается и прекрасно укладывается в статистику» (Дюрренматт, 1998, с. 70). Известно, что в своем знаменитом произведении «О душе» Великий Стагирит говорил о психологии, как о дисциплине причастной к «наиболее возвышенному и удивительному». Поэтому весьма логично предположить, что сама психологическая наука включает в себя хотя бы отдельные элементы «науки богов». Впрочем, если говорить серьезно, в самой-что-ни-на-есть эмпирической психологии должны найтись некие априорные «предвосхищения». Возможно, что наука в действительности «устроена» сложнее, чем иногда представляется. «Остается фактом, что платоновская речь, восхваляющая науку, ненаучна, и это тем более верно, что ей удастся достичь легитимации науки. Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием одного оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку. Но не скатывается ли оно точно так же, позволяя себе этот рассказ?» (Лиотар, 1998, с.74).

Однако, вернемся к научной психологии. Все же: является психология аксиоматической или эмпирической?

Историко-методологическое исследование (Мазилев, 1998) показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об уровне строения метода.

Необходимо различать *теорию* как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение предмета исследования. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой предмета психологии в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *определенной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо

увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с *моделирующими представлениями* (Н.Г.Алексеев, Э.Г.Юдин). К примеру, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т.д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет — непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе базовой категории. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, на ранних этапах развития научной психологии, выступают понятия структура, функция, акт, процесс. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема — способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (Исследование показало, что в рассматриваемый период существовали возможности уровневого и генетического анализа, но реализованы, фактически, не были).

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рис. 2).

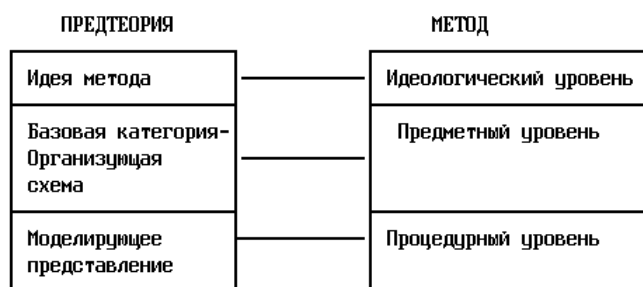
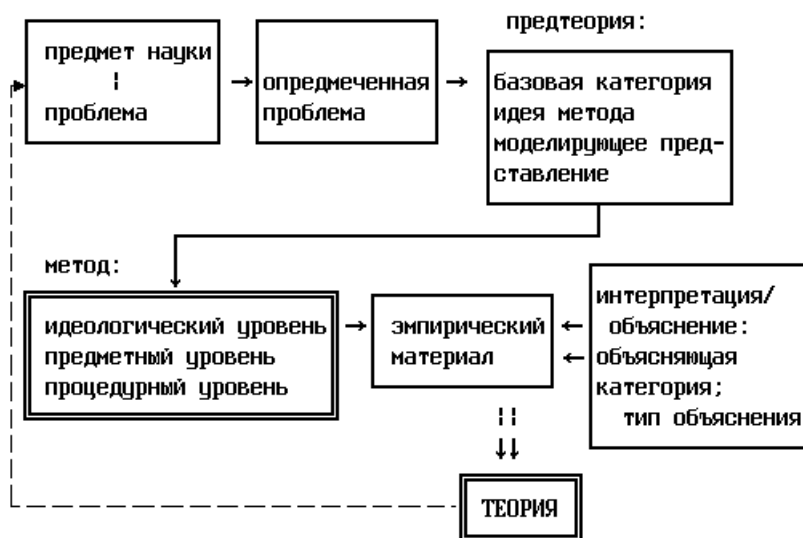

Рис. 2. Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода.

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как *идеологический*, т.е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как *предметный*. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т.п. Этот уровень определяется такими компонентами предтеории как «базовая категория» — «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как *процедурный*, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т.п.).

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 3).

Рис. 3. Модель соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый — объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой

категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (*Ach*, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Необходимо отметить, что в этом случае структура цикла существенно меняется: сформулированная теория ведет к изменению понимания предмета и схема, приведенная на *рис. 3*, фактически становится «замкнутой», чего реально не наблюдалось на первых этапах развития научной психологии. Для исследований более позднего периода это становится типичным. Соотношение теории и метода, таким образом, становится двунаправленным и «диалектичным»: теория определяет метод, но и метод в свою очередь определяет теорию. Отношение между теорией и методом в психологии, характерное для начального периода ее развития как самостоятельной науки, как мы видели, в дальнейшем существенно изменяется. (К обсуждению вопроса об универсальности «замкнутой» модели придется вернуться ниже в связи с результатами исследования соотношения теории и метода в психологических концепциях XX столетия). Характеризуя эти отношения в указанный период в целом, необходимо признать, что психология в значительной степени продолжала сохранять субъективизм, свойственный философской психологии. Более того, можно сказать, что несмотря на проникновение эксперимента, психология по характеру обобщений в значительной степени сохраняла черты философской психологии. Сама процедура эмпирического исследования была достаточно произвольной: предтеорией, фактически, задавались основные результаты. В этом объяснение известного феномена, согласно которому очень

часто психологи, использовавшие субъективный метод получали результаты, совпадавшие с их теоретическими представлениями. Иными словами, на этом этапе своего развития психология оказалась куда более «аксиоматической» (в том смысле, что при построении теории играли важную роль априорные положения), чем можно было ожидать от чисто опытной науки. Независимой от «метафизики» психологии не получилось. Важно подчеркнуть, что путь, пройденный к этому времени психологией был еще «путем эмбриона». Психология «примеряла» на себя возможности других наук. Начинала она как настоящая естественная наука. Это был путь, «указанный» еще Кантом (о «двойной» программе И.Канта см. *Мазюков, 1998, с.147-151*). Научная психология продолжала идти по этому пути. Но еще в прошлом столетии наметились другие «линии развития». Во французской психологической школе продуктивно разрабатывался подход, основывавшийся на патологическом методе. Как писал об этом П. Фресс, французская психология отпочковалась от психопатологии, интерпретируемой философами. В. Дильтей (1894) был одним из первых критиков научной психологии. «Понимающая» психология должна была строиться, по мысли Дильтея, на совсем иных основаниях. Двадцатый век проходит в полемике между ориентациями, реализующими естественнонаучный, либо, напротив, герменевтический, гуманистический подходы. В конце столетия стало совершенно ясно, что разрешить этот конфликт между естественнонаучной и герменевтической ориентациями в психологии путем «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) невозможно.

В дальнейшем нами было проведено дополнительное исследование, касающееся соотношения теории и метода в психологии более позднего периода (с целью проверки универсальности разработанной модели). К сожалению, здесь нет возможности представить его результаты сколь-нибудь подробно, поэтому ограничимся формулированием лишь некоторых общих выводов.

Итак, на первых этапах развития научной психологии, когда происходило конституирование этой дисциплины как самостоятельной науки, независимой от философии, методы использовались в основном как средство добывания эмпирического материала, фактов (эмпирический метод), и как средство описания (объяснения) (зачаточная форма теоретического метода).

Но уже очень скоро появляются эмпирические методы с несколько иными функциями. Продолжает интенсивно использоваться та форма эксперимента, который восходит еще к временам Хр. Вольфа, — измерительный эксперимент. Напомним, он использовался в психофизических исследованиях. В научной психологии он был переосмыслен и «приспособлен» к решению чисто психологических задач.

По прежнему наиболее часто используется метод в своей «чистой» функции, как источник получения новых фактов: исследователь вносит изменения и фиксирует, каковы будут следствия. Таким образом, в этом случае эксперимент носит откровенно «поисковый» характер.

Наибольший интерес представляет та разновидность метода, где метод (к примеру, эксперимент) имеет четко направленный характер и посвящен проверке той или иной гипотезы. Примером может служить классическое исследование Н.Н. Ланге, посвященное изучению «закона перцепции». Основой

для выдвижения гипотезы в данном случае служит теория, а измерительный эксперимент выступает в новом качестве: он не столько измеряет время реакции самой по себе, сколько позволяет заключить, подтверждается или нет гипотеза, что реакции испытуемого в разных опытах соответствуют различным стадиям перцептивного процесса. Это начало той «линии» в экспериментальной психологии, которая так ярко проявилась в психологии XX столетия (достаточно вспомнить классические эксперименты в школе Курта Левина).

Важно, что проведенное исследование позволило существенно уточнить чрезвычайно важный момент, связанный с выяснением механизма выдвижения гипотез, подлежащих проверке. Очевидно, что для того, чтобы оказалось возможным выдвижение гипотезы, должно существовать некое исходное знание. На этапе развитой психологии исходное знание является результатом предыдущих исследовательских актов. Механизм выдвижения гипотезы, предположения, есть не что иное, как использование метода (теоретического), направленного на мысленное изменение материала. Как следствие, при реальном проведении эмпирического исследования экспериментатор или наблюдатель направлен на фиксацию ожидаемых изменений в поведении испытуемого: их отсутствие заставляет поставить вопрос о причинах происшедших «отклонений». Собственно говоря, на более «продвинутых» этапах развития психологии происходит нечто похожее на то, что уже наблюдалось на более ранних этапах (отличие состоит в том, что гипотезы на более поздних этапах развития психологии носят более конкретный характер, что «выдает» большую роль предметного и операционального уровней метода; на более ранних этапах гипотезы тоже существовали, но поскольку они носили чрезвычайно общий «формальный» характер, они, фактически, «сливались» с предметным уровнем эмпирического метода: исследователь просто «предполагал» наличие у испытуемого определенной функции или процесса). Этот результат особенно важен, т.к. является примером того, как более развитые формы позволяют понять реальное функционирование менее развитых, где существенные компоненты находятся еще в зачатке. На этих более развитых этапах характер предположений необходимо более частный, специфичный, конкретный, что необходимо ведет к использованию более дифференцированного понятийного аппарата.

Использование «замкнутого» цикла, когда проведенное исследование является основой для осуществления следующего, позволяет выявить интересную динамику, объясняющую логику развития научной школы. Хорошим примером может послужить Берлинская школа гештальтпсихологии, одним из основных объектов изучения в которой было мышление. В развитии этой школы могут быть выделены следующие этапы: 1) «классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 20-е годы); 2) «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная книга М. Вертгеймера «Продуктивное мышление» (30-40-е гг.); 3) «постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др.) (50-70-е гг.). Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход (под влиянием проведенных исследований) от целого ряда

принципиальных положений. Третий этап чрезвычайно интересен тем, что представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, за счет использования достижений, полученных не только в собственной школе, но и в других (в частности, в психоанализе, у Жана Пиаже и его последователей, Джерома Брунера и др.). Соответствующим образом изменяются и методы психологического исследования. (Подробнее об этом см. в наших работах Мазилев (1990, 1999)). Отметим, что, как показали наши исследования, метод везде сохраняет свою трехуровневую структуру, что свидетельствует об универсальности этой характеристики научного метода.

Заслуживает быть отмеченным важный факт, обнаружившийся в исследовании. В развитых научных школах имеет место особый вид эксперимента, использующийся для верификации предмета исследования. Его цель доказать существование особого предмета, характеризующего подход данной научной школы. Примером может служить известный эксперимент Макса Вертгеймера, где наличие «фи-феномена» обосновывает наличие феноменального поля, или условный рефлекс И.П. Павлова, позволяющий убедиться, что в реакции слюнной железы на раздражитель скрыто «все богатство психического мира».

Другим важным выводом явилась демонстрация возможности реализации такого исследовательского подхода, при котором соотношение теории и метода может рассматриваться в рамках «деятельностного» подхода. Соответственно, в этом случае генезис научной концепции может рассматриваться как своего рода деятельность исследователя, направленная на решение определенных мыслительных задач. Это позволило подтвердить исходную гипотезу о том, что основной трудностью решения исследовательской задачи является не собственно формулирование новой идеи, гипотезы, но наличие заблуждения, причина которого кроется в неадекватных структурах субъективного опыта исследователя. Разработана классификация трудностей исследовательского процесса, основанная на выделении степени неадекватности структур субъективного опыта исследователя решаемой научной задаче.

Важным представляется результат, согласно которому после «верификации» предмета исследования работа ученого идет в двух различных направлениях: 1) происходят постановка и последующая проверка новых гипотез, что ведет к углублению и детализации исследования (*интенсификация* поиска); 2) происходит расширение «пространства исследования», т.к. ученый пытается обобщить результаты и распространить их на возможно более широкий круг явлений (*экстенсификация* поиска).

Проведенное исследование показало, что предложенная схема соотношения теории и метода в психологии (см. *рис. 3*) сохраняет свою универсальность и может быть использована для характеристики психологических концепций не только периода становления психологии как самостоятельной науки, но и более позднего периода. Следует отметить, что она не только применима для исследования соотношения теории и метода в контексте «науки как деятельности», но и оказывается чрезвычайно полезной, поскольку позволяет выявить важные нюансы.

В целом можно констатировать, что:

— развитие психологической науки идет от использования

изолированных схем, ориентированных на какую-то отдельную базовую (объясняющую) категорию, к ориентации на их сочетание, совмещение, что ведет к возникновению «комплексных» подходов (структурно-функционального, функционально-структурного, структурно-уровневого и т.п.);

— развитие психологической науки идет от использования «простых», формальных схем, связанных с «чистыми» базовыми категориями, к применению схем более содержательных, что ведет к развитию психологических понятий и дальнейшей дифференциации понятийной структуры;

— в конце XIX столетия в психологию проникает идея развития, психология все в большей степени становится генетической наукой. Это, в частности, приводит к изменению исследовательских ориентаций: если на ранних этапах развития научной психологии в большей степени классифицировали, выделяли разновидности психических феноменов, то в развитых психологических концепциях наблюдаются попытки перехода от изолированных отдельных феноменов к их «увязке». Объединение достигается за счет категорий «развитие» и «уровень»: феномены рассматриваются как различные стадии, этапы или уровни функционирования единой системы. В качестве наиболее яркого идеолога подобного перехода можно назвать Курта Левина, проанализировавшего в своей известной работе переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому;

— применительно к самому развитию можно констатировать усложнение его объяснения: на ранних этапах наблюдались попытки объяснения через «изолированные» факторы, на следующем использовались конвергентные модели, впоследствии исследователи строили более сложные модели, предполагающие, в частности, активность самого субъекта;

— во всех рассмотренных подходах и школах метод сохраняет свою общую инвариантную структуру, включая три уровня (идеологический, предметный, операциональный);

— развитие психологии связано со все большей интеграцией различных подходов, вначале рассматривавшихся как противоречащие, несовместимые, но впоследствии оказавшиеся вполне дополнительными. Во многом этому способствовало все более широкое использование категории «уровень», что, в частности, привело к возникновению системного подхода в психологии;

— развитие психологии приводит к все большей популярности концепций, ориентированных на целостный подход. Первоначально идею целостности психического в противовес атомизму В. Вундта отстаивал Ф. Brentano. На наш взгляд, Brentano одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный – брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д. Эта линия нашла продолжение в психологии XX века,

самыми яркими представителями ее были, на наш взгляд (разумеется, каждый по своему) Карл Юнг и С.Л. Рубинштейн (впрочем, эта тема заслуживает отдельного обсуждения);

— развитие психологии привело к появлению «нового психологизма». «Новый психологизм» связывается нами с работами Шпрангера, в которых было обосновано известное положение «Psychologica-psychological», т.е. требование объяснять психическое через психическое же. На наш взгляд, это одно из важнейших положений, имеющих огромное значение для современной психологии;

— развитие психологии привело к появлению нового метода амплификации (К. Юнг), который существенно отличен от метода естественных наук.

Может быть сформулирован еще целый ряд положений, касающихся особенностей теории и методов в психологии XX столетия. Не станем здесь этого делать. Констатируем лишь, что на рубеже веков становится отчетливо ясно, что для осмысления пути пройденного научной психологией за почти полтора столетия ее существования, необходим некоторый «метавзгляд». По нашему мнению, обеспечить такую «метапозицию» может новая область психологического знания – философия психологии.

Завершая раздел, заметим, что сформулированные выше положения это всего лишь соображения, имеющие «эскизный», предварительный характер. Коммуникативную методологию еще только делает первые шаги. Предложенная схема соотношения теории и метода в психологии может послужить основой для одного из вариантов. Она имеет достаточно универсальный характер, она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Это дает возможность рассматривать ее как некоторый структурный инвариант, что вселяет некоторый оптимизм. Во всяком случае, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций.

5. Коммуникативная методология: основные проблемы и первоочередные задачи

Наступил новый век. Не подлежит сомнению, что психология в новом столетии существенно изменится. Появятся другие приоритеты, возникнут новые проблемы, изменится характер междисциплинарных связей. Возможно, сбудутся те предсказания, согласно которым XXI век будет «веком психологии» (А.Н. Леонтьев), наступит «психозойская эра» (В.И. Вернадский), «психология

займет одно из важнейших мест в общей системе научного знания» (Б.Г. Ананьев). Однако, пока эти ожидания не сбылись: психология, хотя она интенсивно развивается и имеет несомненные успехи, все же по-прежнему далека от того, чтобы «занять центральное место» (Ж. Пиаже) в структуре научного знания. Вспомним известный доклад знаменитого швейцарского ученого на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве в августе 1966 года: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии» (Пиаже, 1969, с.152). Плодотворное будущее психологии он видит в разворачивании междисциплинарных связей. По прошествии 35 лет мы отчетливо видим, что ожидания великого швейцарского эпистемолога также не оправдались (во всяком случае, пока), – он явно принимал желаемое за действительное. И, видимо, существуют какие-то причины, объясняющие не оправдавшиеся экстраполяции развития психологической науки в заключительной трети уходящего века.

На наш взгляд, объяснение этого феномена может выглядеть очень просто. Во-первых, это понятное человеческое качество, свойственное всем увлеченным людям — нетерпение, т.е. острое желание достичь всего и сразу (вспомним прекрасный роман Юрия Трифонова «Нетерпение», где обстоятельно проанализирован этот феномен). Во-вторых, надежда на действие «объективных законов» и «прогрессивных тенденций», которые «выводятся» из исторического пути, пройденного психологической наукой. Но – законы в человеческом обществе действуют, в частности, преломляясь через сознательную деятельность людей. Остановимся на этой второй причине несколько подробнее.

Обратимся к классическому руководству «Экспериментальная психология» под редакцией Поля Фресса и Жана Пиаже. В блестящем очерке «Развитие экспериментальной психологии» (напомним, французское издание вышло в 1963 году) П. Фресс отмечает, что главные трудности психологии остались позади: «В 1925 году К. Мерчисон опубликовал том «Психология за 1925 год» («Psychologies of 1925»), пять лет спустя вышел в свет том «Психология за 1930 год» («Psychologies of 1930»). Однако больше эта блестящая серия, в которой крупные ученые излагали свои собственные концепции психологии, не выходила. Почему?

Малая история может сослаться на второстепенные причины, но большая история сохранит в памяти только то, что вследствие установления в Германии гитлеровского режима произошла встреча двух миров мысли и исследований:

мира Германии и Англии, с одной стороны, и мира Америки – с другой. Эта встреча ускорила процесс унификации психологии, продолжающийся на наших глазах» (*Фресс*, 1966, с. 80). «1930 год. Совсем недавно умер Титченер. В Берлине по-прежнему процветала гештальтистская школа. Фрейд еще жил и работал в Вене, а в Америке необихевиоризм, исходя из революции, совершенной Уотсоном, старался превратить психологию в науку, не искажая при этом действительности. Существовала не одна психология, а множество психологий. Совсем иной была картина десять лет спустя, когда разразилась вторая мировая война. Коффка, Вертгеймер, Левин, Келер жили уже в Америке и опубликовали там на английском языке свои основные труды. Фрейд и многие его ученики также переехали в Англию или Америку. И эти течения мысли встретились с англосаксонским эмпиризмом к их взаимной пользе» (*Фресс*, 1966, с. 80). Не случайно этот раздел очерка назывался очень оптимистично: «К единству психологии при разнообразии проблем». Оставим без комментариев известный «америкоцентризм» французского психолога, отметим лишь то, что он явно поторопился: вывод, согласно которому, «экспериментальная психология обрела ныне свое единство» (*Фресс*, 1966, с. 89), оказался преждевременным. Обещанное единство не наступило. Фресс отмечает: «Если практически достигнуто согласие в отношении предмета психологии и ее основных методов, то мы констатируем также, что ныне не существует столь глубоких расхождений и между такими крупными системами интерпретации, как ассоцианизм, гештальттеория и функционализм. История психологии – это теперь история ее крупных проблем, проблем восприятия, обучения, интеллектуальных процессов и т.д.» (*Фресс*, 1966, с. 91).

Вероятно, ошибка именно здесь – полагать, что основные вопросы уже решены, парадигма определена, остается заниматься решением задач-головоломок (если использовать известную терминологию Т. Куна). Выше мы уже останавливались на анализе кризисного состояния психологической науки. Можно констатировать, что методологические затруднения воспроизводятся в научной психологии регулярно: как только менее актуальными становятся расхождения между школами и направлениями в психологии, так выявляются радикальные различия между парадигмами, «полупсихологиями» и т.п. Обещанного единства, увы, нет. Кризисные явления методологического характера налицо. Интегративные тенденции, явно существовавшие в шестидесятые годы, стали существенно менее выраженными. И если мы заинтересованы в реальной интеграции психологического знания, то для этого требуется специальная целенаправленная деятельность самих психологов.

Традиционно рассмотрением этих в высшей степени сложных вопросов занималась методология психологии. Как уже отмечалось, в последние годы она явно не «в чести» у научных психологов. Возможно, кто-то из них привычно рассуждает по принципу «не говорите мне, что я должен делать, и мне не придется объяснять, куда вам следует пойти», т.е. в полном соответствии с известной теорией реактивного сопротивления личности протестует против «предписывающего», претендующего на аподиктичность характера прежней методологии, существовавшей в нашей стране в предшествующие годы. Дело доходит до призывов вообще

отказаться от методологии (на том основании, что методология отождествляется с ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования (Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин). Есть попытки ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру проблемой объяснения в психологии (Ж. Пиаже, Х. Сворт, Д. Фодор, Р. Камминс и др.). Наконец, часто высказывается мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна. По нашему мнению, методология необходима, и, в первую очередь, требуется разработка методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию.

Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (Спиркин и др., 1989, с. 359). Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности (Спиркин и др., 1989). Это означает, что методология фактически рассматривается только в своей познавательной, когнитивной функции. Это, несомненно, важнейшая функция методологии. Но, как можно полагать, далеко не единственная. Известно, что современная российская психология находится в состоянии методологического кризиса. Сейчас остро необходима разработка методологии научной психологии, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. И если в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии), то сегодня пора вспомнить, что методология психологической науки должна выполнять и *коммуникативную* функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Фресс и его современники, которые придерживались сходных взглядов, явно поддались иллюзиям. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того, чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо

сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях.

Важно подчеркнуть, что одного желания, «доброй воли» психологов для установления необходимой коммуникации между концептуальными системами мало. Для этого должны существовать реальные возможности, которые может обеспечить использование инструмента — понятийного аппарата коммуникативной методологии. Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Поэтому, возможно, стоит переменить ориентацию — вместо тщетных попыток создания «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотнесению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки. В психологии действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Особенно важно подчеркнуть, что дело отнюдь не в «нежелании» психологов вступать в научную коммуникацию, а в отсутствии реального методологического аппарата, позволяющего произвести такого рода соотнесение. Сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата коммуникативной методологии, позволяющего реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психологии.

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность наличия различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (Мазилев, 2001).

Важно точно понимать, каковы (на сегодняшний день) реальные возможности коммуникативной методологии. Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

По-видимому дело обстоит не так безнадежно, соотнесение все-таки возможно. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о предмете психологии как сложном, многоуровневом. Как было показано в предшествующих работах (Мазилев,

1998), предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларированном», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет сложнейшую задачу (как ни удивительно, *научная* разработка этой проблемы еще только началась), но она совершенно необходима, т.к. является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают от неоднозначного понимания многих терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на этот вопрос. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить по меньшей мере об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода (Мазилев, 1998). Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-иному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают по отношению едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого *спектра значений* того или иного понятия - еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий *любую* психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что может быть намечен путь решения и этой проблемы. Наши исследования в области методологии психологической науки показали, что может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается *любой* исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), - проблема соотношения теории и метода. Первоначально нами была разработана на основе историко-методологических исследований исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (Мазилев, 1998, 2000, 2001). Данная схема приведена на *рис.3*.

Разработанная схема соотношения получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности) . Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). (Подробнее об этом см. в предыдущем разделе учебного пособия). Главным достоинством

предлагаемой схемы является то, что она, как показали наши исследования (Мазиллов, 1998, 2001), представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для осуществления сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели – ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что:

В ней задан *предмет психологии*. Таким образом (напомним, предмет многоуровнев, исходное понимание максимально широкое – «площадка для сборки») оказываются реально соотносимыми любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими – по предмету исследования).

В ней задан *метод*. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции, она в данном случае лишь модифицируется; в данной статье мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.

Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются исследователем, но и вообще не эксплицируются. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (см., например, Мазиллов, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.

Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов *объяснения*.

Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае используется иной. Становится ясно, почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т.д. Не станем далее здесь характеризовать возможности данной схемы, поскольку сейчас совершенно ясно, что разработка коммуникативной методологии *принципиально возможна*.

Наметим первоочередные *задачи* коммуникативной методологии. На наш взгляд, это:

- 1) Формулировка концепции коммуникативной методологии как четкой системы принципов, положений и правил.
- 2) Разработка вспомогательного аппарата коммуникативной методологии.
- 3) Разработка технологии соотнесения различных психологических концепций.
- 4) Проведение работы по выявлению реального и мнимого спектра значений основных психологических понятий.
- 5) Проведение сопоставительного анализа различных психологических концепций с целью отработки технологии соотнесения.
- 6) Разработка (и это представляется важнейшей задачей коммуникативной методологии) принципов и технологии интеграции психологического знания.

Вероятно, возможны различные варианты построения коммуникативной методологии психологической науки. Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии может послужить основой лишь для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Не подлежит сомнению, что, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций. Реальной становится интеграция психологического знания на уровне концептуальных структур - осуществление такой интеграции представляется одной из первоочередных методологических задач психологии нового века. Именно интеграция научного психологического знания позволит психологии в будущем стать фундаментальной наукой, реальной основой всех наук о психическом, на что многократно указывали классики этой научной дисциплины.

6. Коммуникативная методология – путь к интеграции психологического знания (вместо заключения)

В предыдущем разделе был сделан важный вывод о том, что разработка коммуникативной методологии, способствующей взаимопониманию психологов, представляющих различные направления в науке, принципиально возможна. Основанием, внушающим оптимизм относительно перспективности данного подхода, выступает тот факт, что схема соотношения теории и метода в психологическом исследовании, лежащая в основе разрабатываемой модели, позволяющей соотносить различные психологические концепции, является структурным инвариантом – основные элементы модели являются инвариантными для всех рассмотренных в исследованиях концепций (концепции периода становления психологии как самостоятельной науки, основных школ в психологии, современных теорий). Эта инвариантность, универсальность разработанной модели дает возможность начать реальную работу по осуществлению вначале сопоставления, соотнесения различных концептуальных структур в рамках научной психологии, а затем и попыток *реальной интеграции* научного психологического знания.

Хорошо известно, что прошедшее XX столетие было веком интенсивного развития психологии. Неоднократно многие выдающиеся психологи высказывали свои соображения относительно будущего психологии. Не будем здесь касаться в высшей степени интересных вопросов, в какой степени оправдались эти ожидания, в чем причины неверных экстраполяций и т.д. Здесь только укажем, что многие авторы связывали перспективы развития психологической науки с *интеграцией* психологического знания, увеличением интенсивности межпредметных связей, ростом междисциплинарных исследований и т.д.

Если обратиться к истории психологической науки, то легко убедиться в том, что все ее развитие в качестве самостоятельной научной дисциплины достаточно адекватно описывается таким простым выражением как «*усложнение методологических схем*». В классических исследованиях М.Г.Ярошевского было убедительно показано, что отдельные категории «образ», «мотив», «действие» (при всей их несомненной важности для психологии) недостаточны для построения адекватной картины психического (Ярошевский, 1974). Точно так же можно показать, что способы анализа, которые применялись на заре научной психологии изолированно, при таком их использовании фактически себя не оправдали – описание психических феноменов со стороны их *структуры, функции, процесса*, либо выявление *уровней* или *генезиса* оказалось принципиально недостаточным: потребовалось то или иное их *сочетание*. То же самое можно сказать и об объяснительных принципах, используемых в психологии.

Иными словами, прогресс в психологии связан в первую очередь с тем, что психические явления рассматриваются как все более сложные: «одномерные» модели становятся неадекватными новой картине психического, в связи с чем осуществляется «интеграция» подходов. Собственно говоря, все это достаточно хорошо известно: не одно поколение научных психологов

мечтало найти спасительный для науки синтез и соединить объективное и субъективное, внешнее и внутреннее и т.д. и т.п. Массу великолепных примеров такого рода «диалектики» можно обнаружить в отечественной психологии двадцатых годов прошлого столетия, когда марксизм «скрещивали» с психоанализом и т.д. и т.п. (см. *Выготский*, 1982).

На этом пути были действительные свершения, наиболее ярким из которых был системный подход (в данном случае мы имеем в виду действительно *системные исследования*, в которых изучались действительно *системные качества*). Мы здесь не будем затрагивать этого важнейшего и увлекательнейшего вопроса (хотя нельзя не отметить, что и предыстория, и собственно история системного подхода в психологии еще не написана). Отметим лишь, что движение к единству, к интеграции в психологической науке XX столетия очевидно: как это в свое время удачно сформулировал Поль Фресс - «К единству психологии при разнообразии проблем».

Настоящее пособие не является историко-психологическим исследованием, поэтому не станем задерживаться на анализе интегративных тенденций в психологии. Констатируем только, что эти процессы идут значительно медленнее, чем ожидалось, и, что особенно важно, менее результативно, чем представлялось. И происходит это вовсе не потому, что психологи не совершают для этого усилий или не хотят этого. Можно полагать, что для этого есть свои причины. На наш взгляд, они лежат в области *методологии психологической науки*. Дело в том, что методология психологии формировалась в свое время под выраженным влиянием естественных наук. Это привело к тому, что методология психологической науки складывалась как теория, описывающая процесс *добывания и обоснования* психологического знания. Иными словами, методология психологии разрабатывалась исключительно как *познавательная* методология. Методология психологической науки неявно исходила из того, что в каждом конкретном случае формулирования той или иной психологической теории возможно построение исчерпывающей теории, которая бы обобщила и, тем самым, «отменила» предшествующие. Как представляется, подобного рода соображения уже давно не высказываются самими естествоиспытателями (а по отношению к психологии, по нашему мнению, это не было справедливо вообще никогда). Тем не менее, такая модель (назовем ее «гегелевской»), имея в виду то, что развитие представляет собой путь к «высшему синтезу») явно жива в философии и методологии науки: во всяком случае и кумулятивистская и парадигмальная концепции неявно исходят из такой модели. Современной психологии остро необходима иная методологическая модель. Поясним это.

Мы видели, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и *коммуникативную* функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. На современном этапе своего развития психология не в состоянии предложить исчерпывающие модели, которые бы претендовали на объяснение психического во всей его сложности. Поэтому психология (по крайней мере, на нынешнем

этапе своего развития) вынуждена пользоваться *совокупностью* концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и ограничения. (Заметим в скобках, что, поскольку психология имеет уникальный предмет, который, по мнению некоторых выдающихся мыслителей, представляет собой самое сложное для человеческого познания, построение универсальной теории психического в обозримом будущем вообще весьма проблематично). Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Остро необходима разработка аппарата коммуникативной методологии. Без решения этой проблемы невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно неразработанность коммуникативной методологии не позволяет находить взаимопонимание между различными подходами и направлениями в психологии (что, как известно, представляет ведущий «симптом» кризиса). Как проницательно в свое время заметил Юнг, время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Нужно полагать, не наступило оно и сейчас. Поэтому главной задачей психологии на нынешнем этапе ее развития является не разработка неких «супертеорий», призванных объяснить «все и вся», а *интеграция* накопленного психологического знания, соотнесение различных концепций, подходов, направлений. Коммуникативная методология представляет собой инструментарий, с помощью которого возможно осуществить реальную интеграцию психологического знания.

Психология начала XXI века вправе рассчитывать на формирование собственной научной парадигмы. Для этого вовсе не обязательно копировать ходы «чужой» науки и с упорством, достойным лучшего применения, воспроизводить «чужие» парадигмы. Даже в современном естествознании происходят процессы, которые приводят к «размыванию» традиционной методологии и, как следствие, замене ее на «постнеклассическую». Почему же психология должна продолжать копировать чуждые ей каноны естественных или герменевтических наук? У нее *свой путь*.

Известный французский историк Марк Блок в свое время написал — и с этими словами невозможно не согласиться сегодня, более, чем полвека спустя: «Итак, мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность — это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать, продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, — им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» (Блок, 1986, с. 13-14). И самый сложный объект — человеческая душа — вполне заслуживает *особого* отношения, *собственной научной парадигмы*, отвечающей специфике ее объекта. Ибо психология — знание о наиболее возвышенном и удивительном.

Конечно, новая парадигма потребует новых принципов организации психологического исследования, конечно, новая парадигма должна будет

восстановить во многом утраченный ныне контакт, взаимодействие между отдельными потоками внутри общего психологического знания. Для этого в первую очередь потребуется коммуникативная методология. Возможно, для этого потребуется пересмотреть многие взгляды, которые многим представляются незыблемыми. Впрочем, все эти неудобства преходящи, а игра стоит свеч: самое «возвышенное и удивительное» (вспомним аристотелевское определение «науки о душе») по-прежнему ожидает научного исследования.

Выскажем соображение в некотором смысле парадоксальное. Возможно, кризис психологии, наличие которого сегодня не подлежит никакому сомнению, и который заметен, что называется, невооруженным глазом, является не только свидетельством продолжающегося (вероятно, несколько затянувшегося) становления этой науки, но и, странным образом, подчеркивает богатство идей и концепций в этой предметной области. Сложность самого объекта располагает к множеству различных интерпретаций. «Разброд» в значительной степени является результатом доминирующей установки научного сообщества на принципиальную возможность разработки некоей универсальной супертеории. Если это все-таки возможно (хотя и представляется весьма и весьма проблематичным), то явно в достаточно отдаленном будущем. Пока же картина иная: «В 70-е гг. большие надежды возлагались на появление некоей единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами, покончит с эклектизмом пониманий психического и объединит психологическую науку, подобно тому, как средневековые монархи объединяли свои страны, ломая сопротивление удельных феодалов...» (Юревич, 1999, с. 4). «Однако надеждам не суждено было сбыться: перспективные теории не объединили психологическое «государство», а породили новые «феодалные вотчины», в результате чего психология сейчас еще более мозаична и непохожа на точные науки, чем двадцать или пятьдесят лет тому назад» (Юревич, 1999, с. 4). Прав был Карл Юнг, отмечавший, что время глобальных теорий для психологии еще не наступило (воспроизведем еще раз его афоризм).

Психологии XXI века необходимо изменить установку: больше обращать внимание на сходство в подходах, нежели на существующие различия. Тогда обнаружится, что единства во взглядах выдающихся психологов уходящего века значительно больше, чем это представляется на первый взгляд. Убедительным доказательством является замечательная работа Кена Уилбера (1999), в которой автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (в существенных моментах) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Заметим, что впервые она была опубликована еще в 1980 году. Изменение установки позволит осознать, каким богатством психологической мысли мы реально располагаем и насколько велики подлинные успехи психологической науки. Но для этого нужна основа — новое, широкое понимание предмета психологии, которое может послужить тем «предметным», «операциональным» столом, позволяющим выполнить необходимые операции. Технологию соотнесения и интеграции психологического знания должна обеспечить коммуникативная методология и ее аппарат. Таким образом возможно начать конкретную работу по интеграции *научного* психологического знания.

На этой основе, можно полагать, впоследствии окажется возможным сопоставление и более «содержательно далеких» концептуальных структур: собственно научно-психологических, с одной стороны, и вненаучно- и ненаучно-психологических, с другой. Не будем забывать, что *психэ* столь сложна, что подходы к ее изучению в науке, искусстве, философии и других сферах знания скорее всего являются *дополнительными*. Перефразировав название известной работы Абрахама Маслоу, можно сказать, что здесь мы имеем дело с «дальними пределами» интеграции и будущим коммуникативной методологии.

Литература

- Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973. 288 с.
- Абульханова-Славская К.А.* Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 317-347.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 338 с.
- Ананьев Б.Г.* О методах современной психологии // Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л.: ЛГУ, 1976, с. 13-35.
- Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
- Басов М.Я.* Общие основы педологии. 2-е изд. М., Л.: Гос. изд-во, 1931. 802 с.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модек», 1996. 392 с.
- Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 109 с.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса// Вопросы психологии, № 6, 1996, с. 25-40.
- Волков И.П.* Перспективы развития теоретической и практической психологии в России: Возродить научные исследования по предмету психологии // Вестник Балтийской Академии, вып.3, 1996, с. 6-13.
- Вундт В.* Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. С.-Пб.: Типогр. П.П. Сойкина, б/г. 136 с.
- Вундт В.* Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. С.-Пб.: Образование, 1913, с. 93-131.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. т.6. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
- Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86-96.
- Гегель.* Сочинения. Т.5. М., 1937. 715 с.
- Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950. 712 с.
- Дильтей В.* Описательная психология. С.-Пб.: Алетейя, 1996. 156 с.
- Дружинин В.Н.* Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1993. 120 с.
- Дружинин В.Н.* О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения // Психологический журнал, т.10, № 1, 1989, с. 3-12.
- Дюрренматт Ф.* Мост // Иностранная литература, № 9, 1998, с. 70-80.

- Ждан А.Н.* Из истории вопроса о соотношении теории и эксперимента в психологии // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.:Наука, 1990, с. 30-41.
- Журавлев А.Л.* и др. История и метод социальной психологии // Современная психология. М.: ИНФРА-М, 1999, с.466-484.
- Забродин Ю.М.* Психологический эксперимент: специфика, проблемы и перспективы развития // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990, с. 16-30.
- Зинченко В.П.* Методология или «охранная грамота»? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 129-131.
- Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М. МГУ, 1983. 164 с.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994. 237 с.
- Иванова И.И., Асеев В.Г.* Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 218-245.
- История зарубежной психологии: 30-60-е годы. Тексты./ Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986. 344 с.
- История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
- Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922. 176 с.
- Ланге Н.Н.* Психический мир: Избранные психологические труды / Под ред.М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж: НПО "Модэк", 1996. 368 с.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., СПб: Институт экспериментальной социологии, Алетея, 1998. 160 с.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444с.
- Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 924 с.
- Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
- Мазилев В.А.* Психология: теория и метод // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль: МАПН, 2000, с. 191-211.
- Мазилев В.А.* Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990, с. 66-75.
- Мазилев В.А.* Практическое мышление: эволюция подходов (от «простоты» к «единству») // Исследования педагогического мышления. М.: ИПРАН, 1999, с. 34-53.
- Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
- Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. 376 с.
- Мюнстерберг Г.* Основы психотехники. Вып. четвертый. М.:Изд-во "Русский книжник", 1925. 176 с.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: РГГУ, 1994. 448 с.

- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. т.1. 416 с. , т.2. 416 с.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157-194.
- Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук// XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969, с.125-155.
- Пирогов Н.И.* Сочинения. т.1. М., 1887. 386 с.
- Пирьев Г.Д.* Экспериментальная психология. София: Наука и искусство, 1968. 337 с.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИПРАН, 1997. 576 с.
- Психология и новые идеалы научности: материалы «круглого стола»// Вопросы философии, № 5, 1993, с. 3-42.
- Психология: словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Изд. второе. М.: Изд. полит. лит., 1990. 496 с.
- Роговин М.С.* Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
- Роговин М.С. Залевский Г.В.* Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. Томск, 1988. 234 с.
- Роговин М.С.* Психологическое исследование. — Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
- Роговин М.С.* Структурно — уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
- Рубин Э.* Несуществование внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976, с. 144-145.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959. 354 с.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч. — пед. изд. — во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
- Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999. 688 с.
- Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 359-360.
- Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: Изд. Трансперсонального института, 1999. 256 с.
- Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15-98.
- Фресс П.* О психологии будущего // Психологический журнал, т.2, № 3, 1981, с. 48-54.
- Челпанов Г.И.* Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. Кн.4 (99), 1909, с. 285-308.
- Шадриков В.Д.* Духовные способности. М.: Магистр, 1998. 182 с.
- Шадриков В.Д.* Экспериментальный метод исследования // Практикум по экспериментальной психологии. Вып.1. Ярославль: ЯрГУ, 1974, с. 6-46.

- Швырев В.С.* Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. 232 с.
- Юнг К.Г.* Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. 560 с.
- Юнг К.Г.* Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. 336 с.
- Юнг К. Г.* Аналитическая психология. СПб, 1994. 136 с.
- Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.
- Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3-11.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
- Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии.* С.-Пб.: Изд-во Международного фонда истории науки, 1993. 302 с.
- Ach N.* Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Gottingen: Vandenchoeck und Ruprecht, 1905. 294 S.
- Boring E.* A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950. XXI, 777 p.
- Boring E.* A History of Introspection // Psychological Bulletin, № 3, v.50, 1953, p.169-189.
- James W.* The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.
- Lewin K.* The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology// J. Gen. Psychol., 1931, pp.141-177.
- Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. M. — Yaroslavl: IAPS, 1997, с. 126-135.
- Wundt W.* Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtlander, 1911. VIII, 129 S.
- Wundt W.* Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1913. XII, 523 S.
- Wundt W.* Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1896. XVI, 392 S.
- Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Рекомендуемая литература

- Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973. 288 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444с.
- Мазиллов В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
- Мазиллов В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
- Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. 376 с.

- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИПРАН, 1997. 576 с.
- Роговин М.С.* Психологическое исследование. — Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
- Роговин М.С.* Структурно — уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959. 354 с.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч. — пед. изд. — во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
- Современная психология: Справочное руководство. М.: Инфра-М, 1999. 688 с.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974. 447 с.

Оглавление

1. Виды проблем в психологии	4
2. Методологические проблемы в психологии	7
3. О предмете психологии.....	14
4. Соотношение теории и метода как центральная методологическая проблема современной психологии	19
4.1. Соотношение теории и метода: немного истории.....	21
4.2. Соотношение теории и метода в психологии: теоретическая модель	37
5. Коммуникативная методология: основные проблемы и первоочередные задачи	50
6. Коммуникативная методология – путь к интеграции психологического знания (вместо заключения).....	58
Литература.....	62
Рекомендуемая литература	65
Оглавление	66

Учебное издание

Мазилев Владимир Александрович
Актуальные методологические проблемы современной
психологии:

Учебное пособие для студентов университетов

Подписано в печать 05.12.2001

Усл. печ. л. 5,0

Заказ 061

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Ярославского педагогического колледжа
Ярославского педагогического университета им. К.Д.Ушинского (150029,
Ярославль, ул. Маланова, 14)

